К77 3/27

К77 3/27

(Съ рѣдкаго снимка, сдѣланнаго за двѣ недѣли до войны съ Турціей.

Дарданелльскія укрѣпленія.

П. О. МОРОЗОВЪ.

МИМО ВОЙНЫ

(ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ).

БИБЛІОТЕКА ГОЛОСА РУСИ

К77 3/27

П. О. МОРОЗОВЪ.

МИМО ВОЙНЫ

(ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ).

Библіотека «ГОЛОСА РУСИ».

Выпускъ III.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Типографія „СОДРУЖЕСТВО“, Гон чарная. 24.

БИБЛИОТЕКА
5474
24 III 2

МИМО ВОЙНЫ.

(Дорожныя замѣтки).

ОТЪ ЛОНДОНА ДО ПЕТРОГРАДА.

Война застигла меня въ Лондонѣ, куда я пріѣхалъ изъ Парижа 16 іюля, безъ малѣйшаго подозрѣнія относительно надвигавшихся грозныхъ событій. Газеты французскія и англійскія были наполнены тревожными статьями, которымъ, однако, ни я, ни мои спутники, ни лондонскіе знакомые не придавали въ то время значенія, видя въ нихъ обычное пристрастіе журналистовъ къ сенсаціоннымъ вѣстямъ и разсужденіямъ... Но уже на третій день моего мирнаго пребыванія въ британской столицѣ стали обнаруживаться зловѣщіе признаки кризиса: банки стали отказывать въ размѣнѣ русскихъ бумажекъ или предлагали за нихъ несообразно низкую цѣну (150 шиллинговъ за 100 рублей); затѣмъ нѣкоторые банки, въ томъ числѣ и чрезвычайно популярный

въ Лондонѣ Penny-Bank (нѣчто вродѣ большой сберегательной кассы), закрылись; биржа бездѣйствовала; газеты все громче и громче били тревогу; населеніе Лондона, обычно очень сдержанное, замѣтно волновалось; уличные ораторы то горячо призывали къ войнѣ, то декламировали противъ нея... Въ субботу, 19 іюля, были получены телеграммы о началѣ русско-германской войны и о движеніи германскихъ войскъ въ Люксембургъ, а на другой день на Трафальгарской площади долженъ быть собраться огромный митингъ сторонниковъ мира, которому, однако, помѣшалъ проливной дождь. Послѣ обѣда дождь пересталъ, и я отправился въ Гайдъ-паркъ, всегдашнее мѣсто многочисленныхъ «малыхъ» митинговъ. На этотъ разъ въ паркѣ было очень людно и очень шумно. Я остановился прежде всего около одной трибуны, особенно густо окруженной, съ высоты которой молодой ораторъ-соціалистъ съ большой энергіей высказывался противъ всякаго вмѣшательства Англіи въ европейскую войну, но не съ политической, а съ чисто-экономической точки зрѣнія: онъ говорилъ о тѣхъ неисчислимыхъ бѣдствіяхъ, которыми угрожаетъ Англіи война и неизбѣжно связанная съ нею остановка всей торговли и промышленности, такъ какъ десятки и сотни тысячъ ра-

бочихъ будутъ выброшены на улицу безъ куска хлѣба. Его слушали внимательно и не прерывали возраженіями. Иначе относилась публика къ другому оратору, который съ сосѣдней трибуны также очень краснорѣчиво говорилъ о невмѣшательствѣ, но уже съ политической точки зрѣнія: онъ старался доказать, что Германія всегда относилась къ Англіи въ высшей степени любезно и корректно, что императоръ Вильгельмъ—самый искренній другъ короля Георга и притомъ—самый справедливый государь во всей Европѣ. «А Люксембургъ?» послышалось въ толпѣ. Ораторъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ замѣчанія, и продолжалъ еще настойчивѣе развивать свои положенія. Но возражатель не унимался: «Нѣтъ, что же вы ни слова не скажете о Люксембургѣ? Объясните справедливость Вильгельма въ Люксембургѣ!» Ораторъ смутился и проговорилъ что-то невнятное. Тогда жестокій противникъ еще громче поставилъ ему въ упоръ вопросъ: «А сколько вамъ заплатили за эту рѣчь?» въ толпѣ послышались свистки, и краснорѣчивому защитнику Вильгельма пришлось покинуть трибуну. На смѣну ему тотчасъ же выступилъ другой, который «съ мѣста въ карьеръ» началъ доказывать, что насущные жизненные интересы Англіи повелительно требуютъ немедленнаго вмѣшательства въ

войну, такъ какъ именно теперь или никогда является возможность освободить англійскую торговлю и промышленность отъ нѣмецкаго соперничества и прочно занять міровой рынокъ, съ котораго Германія въ послѣднее время усиленно сбиваетъ англичанъ. И этому оратору возражали, хотя и не такъ рѣзко, какъ первому; были свистки, но были и рукоплесканія и крики «браво!». Во всякомъ случаѣ, ему дали договорить до конца. По настроенію случайной толпы, конечно, нельзя было судить о томъ, на чью сторону станетъ общественное мнѣніе... Но событія развивались съ головокружительной быстротой, и на другой день не оставалось уже никакого сомнѣнія, что Англія рѣшилась на войну. Возбужденная толпа до поздней ночи стояла на Downing Street, дожидаясь окончанія историческаго засѣданія совѣта министровъ, и привѣтствовала ихъ при разъѣздѣ громкими рукоплесканіями и криками: «ура!» Близъ Россель-сквера, у французскаго и германскаго консульствъ, съ утра до ночи стояли толпы резервистовъ, получавшихъ отъ своихъ консуловъ паспорта и пособія для возвращенія на родину; обѣ эти толпы, собравшіяся на близкомъ разстояніи одна отъ другой, сильно волновались, и къ вечеру дѣло дошло до крупной драки, не безъ труда прекращенной городовыми...

Мнѣ надо было спѣшить во Францію,—въ Аркашонъ, откуда я уже получилъ тревожную телеграмму. Но въ воскресенье выбраться изъ Лондона не такъ-то легко, а на понедѣльникъ пришелся такъ называемый банковскій праздникъ (Bank Holiday), когда всѣ торговыя заведенія закрываются, и огромная толпа служащихъ широкимъ потокомъ разливается по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, такъ что достать билетъ почти невозможно. Пришлось отложить отъѣздъ до вторника (22 іюля), причемъ оказалось, что вмѣсто трехъ обычныхъ поѣздовъ на Фолкестонъ-Булонь пойдетъ только одинъ. Съ этимъ поѣздомъ, между прочимъ, отправилось во Францію человѣкъ 200 резервистовъ, которые стройно промаршировали по Странду къ вокзалу Чэрингъ-Кроссъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ и пѣніемъ марсельезы. Та же маршировка и пѣніе повторились и въ Фолкестонѣ, при посадкѣ на пароходъ.

Въ Булонь мы пришли около 8 ч. вечера, а поѣздъ въ Парижъ отходилъ въ 10. Тутъ сразу дало себя знать введенное во Франціи военное положеніе: вокзалъ охранялся вооруженной стражей, и для поѣздки необходимо было получить особый пропускъ (laissez-passer) изъ мэріи, находящейся за двѣ версты отъ вокзала. За отсутствіемъ извозчиковъ, пришлось идти пѣшкомъ по

улицамъ, почти неосвѣщеннымъ. Добившись, послѣ продолжительнаго стоянія «въ хвостѣ», желаннаго пропуска, чуть не бѣгомъ возвращаюсь на вокзалъ — и тамъ узнаю, что необходимо еще имѣть на этомъ пропускѣ штемпель особаго военнаго бюро, къ счастью, находящагося тутъ же. Когда и эта формальность была исполнена, пришлось чуть не на ходу поѣзда вскочить въ первый попавшійся вагонъ, биткомъ набитый пассажирами, и провести ночь въ коридорѣ, сидя на своемъ чемоданѣ...

ВЪ ПАРИЖѢ.

Въ Парижѣ, на Сѣверномъ вокзалѣ, куда мы прибыли въ 5 ч. утра, не оказалось ни одной живой души: все точно вымерло; точно такъ же и на площади и прилегающихъ къ ней улицахъ не было ни одного извозчика, и лишь кое-гдѣ вдали мелькали синія шинели солдатъ. Съ большимъ трудомъ добравшись до гостиницы, я узналъ, что я пріѣхалъ не въ Парижъ, а въ «укрѣпленный парижскій лагерь» (le camp retranché de Paris), для пребыванія въ которомъ прежде всего надо получить въ полицейскомъ участкѣ особое разрѣшеніе (permis de séjour). Затѣмъ мнѣ разсказали, что 19 іюля, въ первый день объявленія мобилиза-

ціи, населеніе «столицы міра» переживало очень тревожныя минуты: всѣ, у кого только были деньги, бросились въ банки—брать оттуда золото и прятать его въ надежныя мѣста (между прочимъ, извѣстный импрессаріо Рауль Гинсбургъ спряталъ въ подвалѣ Грандъ-Отеля около 300 тыс. франковъ); на оставшіяся неразмѣненными бумажки закупали провизію, и такъ усердно, что ко времени моего пріѣзда въ городѣ почти не осталось ни масла, ни даже соли, а хлѣбъ приказано было печь наполовину изъ пшеничной и ячменной муки. Многія большія гостиницы и значительное число магазиновъ должны были закрыться—по недостатку прислуги; на линіяхъ трамваевъ и подземной дороги («метро») прекратилось движеніе; таксомоторы почти исчезли, а число извозчиковъ дошло чуть ли не до нѣсколькихъ сотенъ: всѣ были взяты въ армію. Улицы Парижа, всегда шумныя, совершенно опустѣли; унылое молчаніе нарушалось только трескомъ автомобилей, въ которыхъ разъѣзжали офицеры и солдаты, да мычаньемъ быковъ, которыхъ большими стадами гнали по бульварамъ на бойню. Театры и кинематографы, конечно, бездѣйствовали; съ 9 ч. вечера всѣ кафе запирались, и уличная жизнь совершенно замирала; только мощный прожекторъ, установленный на вер-

шинѣ Эйфелевой башни, прорѣзывалъ ночную тьму яркими снопами свѣта, кидая ихъ по всѣмъ направленіямъ, то вверхъ, то внизъ... Словомъ, впечатлѣніе было такое, какъ будто непріятель стоитъ уже у воротъ Парижа; а между тѣмъ, оффиціально войны между Франціей и Германіей еще не было,—она была объявлена только черезъ недѣлю...

Первый мой визитъ былъ, конечно, въ наше посольство, въ rue de Grenelle. Здѣсь весь дворъ былъ запруженъ толпой до такой степени, что для установленія хотя бы нѣкотораго порядка пришлось вызвать четверыхъ рослыхъ городовыхъ, которые, стоя у воротъ, сдерживали напоръ многочисленныхъ посѣтителей. Сюда рвались и наши резервисты, чтобы получить объясненія, гдѣ и какъ имъ отбывать военную службу, и студенты, оставшіеся, за прекращеніемъ сообщеній съ Россіею, безъ всякихъ средствъ, и владѣльцы русскихъ кредитныхъ билетовъ, теперь уже неразмѣнныхъ, и обладатели аккредитивовъ, иногда на очень крупныя суммы, по которымъ банки перестали платить,—вся эта нервная, взволнованная публика ожидала объясненій; чиновники посольской канцеляріи разрывались на части, но, разумѣется, не въ состояніи были дать отвѣты на всѣ вопросы, потому что и сами не имѣли достаточныхъ свѣдѣній.

Кое-какъ удалось устроить выдачу небольшихъ пособій особенно нуждающимся, размѣнъ русскихъ бумажекъ, уплату небольшихъ суммъ подъ аккредитивы и пр. Въ этомъ отношеніи большую заботливость и энергію проявило парижское отдѣленіе Русско-Азіатскаго банка, которому многіе наши соотечественники, волею судьбы задержанные въ Парижѣ, обязаны существеннымъ облегченіемъ своего труднаго положенія.

Выбраться изъ Парижа на югъ оказалось нелегко: былъ всего пятый день мобилизаціи, и всякое пассажирское движеніе по желѣзнымъ дорогамъ было пріостановлено. Только благодаря совершенно исключительной любезности начальника мобилизаціоннаго отдѣла главнаго штаба, мнѣ было дано мѣсто въ воинскомъ поѣздѣ, шедшемъ въ Бордо. Кромѣ меня, такой же льготой воспользовалась еще только одна англійская лэди, дочь которой замужемъ за французскимъ полковникомъ. Всѣ остальные пассажиры поѣзда были или чины военной администраціи, или военные врачи, фельдшера, санитары, ѣхавшіе въ разные южные города для устройства лазаретовъ...

Нашъ поѣздъ шелъ медленно, подолгу останавливаясь на станціяхъ для пропуска встрѣчныхъ поѣздовъ, въ которыхъ перевозились войска и артиллерія съ юга на

сѣверъ. Солдаты ѣхали весело, съ пѣснями, въ товарныхъ вагонахъ, снаружи украшенныхъ гирляндами зелени, карикатурами на Вильгельма и надписями: «Vive la France!» и «A Berlin!». На станціяхъ ихъ ожидала толпа съ привѣтственными криками, пѣніемъ марсельезы, съ бутылками вина и корзинками хлѣба и фруктовъ. Въ противоположность парижскому унынію, здѣсь вездѣ чувствовалось бодрое, даже, можно сказать, радостное настроеніе и подъемъ патріотическаго одушевленія.

ВЪ АРКАШОНѢ.

До Аркашона я добрался только на третій день,—въ самый день объявленія войны.

Аркашонъ, особенно въ послѣдніе годы, удачно соперничаетъ съ Санъ-Себастіаномъ, Біаррицемъ, Ройяномъ и другими приморскими лѣчебными мѣстами. Привлекаетъ онъ очень удобнымъ для купанья берегомъ, большимъ лѣсомъ приморскихъ сосенъ на песчаныхъ дюнахъ зимняго города и совершенно исключительными удобствами для паруснаго спорта. Аркашонскій бассейнъ, соединенный лишь узкимъ проливомъ съ Атлантическимъ океаномъ, не подверженъ бурямъ и непогодѣ, почему аркашонскія па-

русныя гонки очень излюблены спортсменами всѣхъ національностей, приводящими сюда свои яхты не только изъ Франціи и Испаніи, но даже изъ Англіи и Америки.

Въ этихъ гонкахъ дѣятельное участіе принимали испанскій король, братъ сербскаго короля—князь Арсеній Карагеоргіевичъ, знаменитый итальянскій поэтъ Габріэль д'Аннунціо. Послѣдній уже нѣсколько лѣтъ, какъ арендовалъ близъ Аркашона, въ Муло, небольшую виллу «Сенъ-Доминикъ», перестроилъ ее по своему вкусу и окружилъ цѣлымъ рядомъ домиковъ, гдѣ помѣщаются его охотничьи собаки. Аннунціо часто навѣщаетъ Аркашонъ и въ зимніе мѣсяцы, постоянно участвуя въ парфорсныхъ охотахъ, организуемыхъ здѣсь американцами.

Въ моментъ объявленія войны Аркашонъ только что приготовился къ съѣзду парижанъ и иностранцевъ, которыхъ обыкновенно въ августѣ и сентябрѣ здѣсь бываетъ очень много.

Открылся казино, въ клубѣ, за столами бакара, уже появились игроки, заиграла музыка въ кафе, владѣльцы гостиницъ, купальщики, лодочники съ нетерпѣніемъ ожидали гостей, предвидя удачный сезонъ, такъ какъ всѣ виллы уже заранѣе были заняты. Но никто не пріѣхалъ; наоборотъ, немногіе, уже успѣвшіе пріѣхать, поспѣшили обратно.

Городокъ сразу принялъ самый грустный видъ. Закрыли казино, прекратилась музыка, опустѣли гостиницы и берегъ. Даже электричество потухло. Изъ-за недостатка въ углѣ, мэръ распорядился зажигать лишь нѣсколько фонарей въ центрѣ города, да около мэріи, гдѣ до поздней ночи толпа ожидала телеграммъ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ объявленія войны, герцогиня Броліо-Ревейль, собравъ большую толпу мѣстныхъ жителей, повела ихъ осаждать лучшую гостиницу—«Grand Hôtel»,—принадлежавшую австрійцу. Толпа, предводительствуемая герцогиней, вошла въ садъ гостиницы, разбила окна и, схвативъ помпы для поливки растеній, начала заливать столовую и нарядные салоны гостиницы. Небольшой отрядъ полицейскихъ ничего не могъ подѣлать, и гостиница понесла значительный ущербъ. Немногочисленные постояльцы, конечно, поспѣшили уѣхать, а спрятавшіеся гдѣ-то въ чуланѣ хозяинъ, его жена и двое-трое нѣмцевъ служащихъ были оттуда извлечены полиціей и отправлены въ Бордо.

Разгромъ гостиницы продолжался съ вечера до поздней ночи подъ пѣніе марсельезы, крики толпы, звонъ разбиваемыхъ стеколъ и выстрѣлы петардъ. Толпа успокоилась только тогда, когда нѣмцы были увезены,

гостиница опустѣла, и на разбитыхъ окнахъ были опущены желѣзныя занавѣси.

На другой день та же толпа, соорудивъ изъ соломы, рогожи и разноцвѣтныхъ тряпокъ чучело Вильгельма, торжественно пронесла его по набережной съ криками: «A bas les allemands!» сбросила въ бассейнъ.

Уже съ середины августа стали привозить въ Аркашонъ раненыхъ, преимущественно изъ Эльзаса. Въ пользу раненыхъ аркашонскій Красный Крестъ устроилъ въ соборѣ Notre Dame концертъ. Послѣ торжественной мессы, на органѣ исполнены были національные гимны—англійскій, французскій, бельгійскій и русскій, а во время самой мессы, настоятель церкви произнесъ горячую проповѣдь, съ призывомъ на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ. Проповѣдь эта вызвала рукоплесканія, въ церкви необычайныя, и замѣчаніе священника: «Я принимаю эти рукоплесканія, какъ выраженіе вашей любви къ отечеству и готовности принести ему всѣ жертвы, какихъ можетъ потребовать война».

Очень чувствительнымъ для аркашонцевъ оказалось отсутствіе мелкихъ денегъ. Золото и серебро исчезли изъ употребленія; невозможно было размѣнять не только крупные билеты, но даже бумажку въ 50 франковъ. Обладатели тысячефранковыхъ билетовъ не могли купить себѣ папиросъ

или зайти въ кафе выпить стаканъ пива: всюду въ уплату принимали только мелкія деньги. Такъ продолжалось нѣсколько дней; наконецъ, мэръ Аркашона съѣздилъ въ государственный банкъ въ Бордо и привезъ оттуда для размѣна сто тысячъ франковъ только-что выпущенными «купюрами», бумажками въ двадцать и пять франковъ.

Немногочисленная русская колонія, всего человѣкъ 20—25, отрѣзанная въ Аркашонѣ не только отъ Россіи, но и отъ остальной Франціи, не получая ни писемъ, ни телеграммъ, ни тѣмъ болѣе денежныхъ переводовъ, переживала очень тревожные дни.

Ближайшее къ Аркашону русское консульство находится въ Бордо, всего въ 60 верстахъ, но достигнуть его во время мобилизаціи было очень затруднительно. Только половину пути можно было сдѣлать по желѣзной дорогѣ (и то лишь, когда мобилизація уже приходила къ концу), а другую часть пути обслуживалъ дилижансъ. Эти трудности не испугали, однако, нашихъ соотечественниковъ и они, запасшись особыми полицейскими разрѣшеніями, при первой же возможности поспѣшили побывать у нашего консула.

Консулъ указалъ для возвращенія въ Россію два пути: одинъ черезъ Парижъ, Лондонъ, Ньюкестль—въ Норвегію и оттуда че-

резъ Стокгольмъ въ Финляндію; другой—черезъ Марсель и Константинополь въ Одессу.

На пособія соотечественникамъ, нуждавшимся въ денежной помощи, консулъ очень скоро истратилъ имѣвшіяся въ его распоряженіи средства и могъ лишь посовѣтовать не платить по счетамъ въ гостиницахъ, хозяева которыхъ, по распоряженію властей, не могли и требовать немедленной уплаты.

Почти одновременно въ газетахъ появились телеграммы о томъ, что нѣсколько норвежскихъ пароходовъ, вышедшихъ изъ Ньюкестля, въ Сѣверномъ морѣ натолкнулись на нѣмецкія мины. Поэтому всѣ находившіеся въ Аркашонѣ русскіе рѣшили отказаться отъ сѣвернаго пути и поспѣшили уѣхать въ Марсель.

ОТЪ БОРДО ДО МАРСЕЛЯ.

Бордо — безспорно, одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Франціи—сохранилъ въ своихъ постройкахъ и остатки римской древности (дворецъ Галліена), и памятники среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія, своеобразно выдѣляющіеся на фонѣ современнаго строительства. Прекрасныя широкія улицы, площади, фонтаны, обиліе изящно

распланированныхъ садовъ, обширная терраса des Quinconces, украшенная памятниками Монтэня и Монтескье, съ монументальной лѣстницей, ведущей на набережную Гаронны,—все это невольно останавливаетъ вниманіе путешественника. Съ того времени, какъ я былъ здѣсь въ послѣдній разъ, городъ украсился двумя новыми монументами—Гамбеттѣ и жирондистамъ, изъ которыхъ каждый въ своемъ родѣ замѣчателенъ.

Гордая и можно даже сказать—вызывающая фигура народнаго трибуна, съ скрещенными на груди руками и закинутой назадъ головой, очень характерна; видимо, скульптору удалось уловить любимую позу оратора, сумѣвшаго здѣсь, въ Бордо, своимъ горячимъ словомъ поднять патріотическое настроеніе Франціи, измученной несчастною войною. Къ сожалѣнію, барельефы пьедестала вышли совсѣмъ неудачными, въ особенности—тотъ изъ нихъ, который изображаетъ извѣстную сцену изъ дѣтства Гамбетты, когда онъ изъ упрямства, поссорившись съ матерью, выкололъ себѣ глазъ. Не подумавши о томъ, что такъ называемая «классическая» трактовка сюжета совершенно неумѣстна на памятникѣ вполнѣ реальномъ, скульпторъ изобразилъ голаго мальчишку съ удивительно глупой физіономіей, надъ которымъ склонилась плачущая

мать. Впечатлѣніе получается досадно-странное, почти комическое...

За то другой памятникъ—въ честь жирондистовъ, выдержанный въ аллегорическомъ стилѣ, съ прекрасными группами по сторонамъ пьедестала, изображающими побѣду свѣта и добра надъ темными и злыми стихійными силами, нельзя не назвать великолѣпнымъ и по замыслу, и по исполненію.

Путь русскихъ путешественниковъ отъ Бордо до Марселя былъ однимъ изъ самыхъ непріятныхъ во всей долгой дорогѣ. Вмѣсто обычныхъ 12—14 часовъ ѣхали почти двое сутокъ. Поѣздъ шелъ безъ всякаго расписанія, останавливаясь иногда на самыхъ маленькихъ станціяхъ по часу и больше, пропуская все время воинскіе поѣзда.

Одинъ за другимъ проходили, направляясь на сѣверъ, поѣзда съ марокканскими войсками. Рослые марокканцы казались великанами по сравненію съ маленькими французскими шассерами въ красныхъ штанахъ и синихъ беретахъ. На вокзалахъ публика встрѣчала и провожала ихъ шумными привѣтствіями.

Къ ночи перваго дня путешествія поѣздъ доставилъ насъ въ Сеттъ, гдѣ пришлось ночевать въ лучшемъ отелѣ «Терминюсъ». Этотъ «лучшій» отель, вѣроятно, только недавно и наспѣхъ приспособленъ подъ го-

стиницу изъ тюрьмы или сумасшедшаго дома; комнаты съ небольшими оконцами, прорѣзанными подъ самымъ потолкомъ, огромные корридоры съ скользкими каменными полами; при этомъ въ комнатахъ не полагается никакого освѣщенія, кромѣ стеариновой свѣчки, а на дверяхъ отсутствуютъ какіе бы то ни было затворы.

Проведя ночь въ этомъ заведеніи, рано утромъ пришлось спѣшить на вокзалъ къ поѣзду, отходящему въ Тарасконъ. Впереди съ телѣжкой, рысцой бѣжитъ консьержъ, приговаривая:

— Трудно теперь путешествовать, господа! У васъ будетъ много непріятностей.

Слова его очень скоро подтвердились. Къ нашему поѣзду оказался прицѣпленнымъ рядъ вагоновъ съ итальянскими рабочими, вызванными на родину на случай мобилизаціи. Изъ-за этого пассажирскихъ вагоновъ въ составѣ поѣзда было совсѣмъ мало, и они были биткомъ набиты. Садились, кто куда, не разбирая классовъ, даже безъ билетовъ, такъ какъ всякій контроль отсутствовалъ. Въ Монпелье и въ Нимѣ поѣздъ задерживали каждый разъ на два часа, такъ какъ на этихъ станціяхъ итальянцевъ кормили въ двѣ очереди обѣдами.

Ліонскій поѣздъ на Марсель, въ который мы должны были пересѣсть въ Тарасконѣ,

опоздалъ на семь часовъ. Ко времени его прихода вокзалъ напоминалъ лагерь. На сундукахъ, чемоданахъ, корзинахъ сидѣли и лежали мужчины, женщины, дѣти... Едва раздался звонокъ, извѣстившій о выходѣ поѣзда съ ближайшей станціи, вся эта толпа, насторожилась, и поѣздъ не успѣлъ еще остановиться, какъ начался настоящій штурмъ вагоновъ, и безъ того уже наполненныхъ: старались стащить другъ друга съ подножекъ вагона, били по головамъ чемоданами, пущены были въ ходъ кулаки, палки и зонтики. Визгъ, плачъ смятыхъ въ давкѣ дѣтей, ругательства...

Но, такъ или иначе,—мы въ корридорѣ вагона, снова возсѣдаемъ на своемъ багажѣ, изъ котораго чудеснымъ образомъ ничего не потеряли.

ОТЪ МАРСЕЛЯ ДО ОДЕССЫ.

Въ нарядномъ марсельскомъ отелѣ съ тройнымъ названіемъ: «Hotel Splendid de Russie et d'Angleterre» и, соотвѣтственно названію, тройными на все цѣнами, поздно ночью, укладываясь спать, всѣ думали, что черезъ день-два получатъ каюты на пароходѣ Messageries Maritimes, а еще черезъ недѣлю будутъ въ Одессѣ.

Былъ, увы, прекрасенъ сонъ,
Но жестоко пробужденье...

Утромъ, еще не выходя изъ гостиницы, мы узнали отъ русскихъ, раньше насъ сюда прибывшихъ, что выбраться изъ Марселя не такъ просто. На пароходы Messageries Maritimes всѣ билеты уже расписаны чуть не на мѣсяцъ впередъ. Къ тому же, предпріимчивая администрація пароходства, радуясь необыкновенному наплыву путешественниковъ, съ каждымъ рейсомъ все поднимала цѣну на билеты. Въ обычное время за мѣсто перваго класса отъ Марселя до Одессы брали 260 франковъ, причемъ для семействъ изъ трехъ лицъ и болѣе полагалась скидка въ 15%. Съ момента объявленія войны и появленія въ Марселѣ первыхъ русскихъ путешественниковъ, пожелавшихъ моремъ возвратиться въ Россію, пароходство подняло цѣну сначала до 360 франковъ, затѣмъ до 465, а ко времени нашего пріѣзда въ Марсель брали уже 675 франковъ, и, конечно, скидки были уничтожены.

Свѣдѣнія, полученныя въ гостиницѣ, подтвердились.

Въ залѣ второго этажа Messageries Maritimes, гдѣ принималась запись на билеты для пароходовъ, отходящихъ въ Одессу, — настоящій русскій клубъ. Откуда только ни собрались сюда наши соотечественники въ чаяніи возвращенія на родину! Всѣ волнуются, перебиваютъ другъ друга, даютъ всевоз-

можные, а иногда и совершенно невозможные совѣты. И всѣ, конечно, возмущены администраціей пароходства, которое въ трудную минуту такъ сильно подняло цѣны на билеты.

— Que voulez vous messieurs, c'est le commerce!» — съ улыбкой утѣшаетъ путешественниковъ секретарь пароходства.

Пароходы направлялись изъ Марселя дважды въ недѣлю, двумя разными рейсами: одинъ черезъ Смирну, другой черезъ Салоники.

Въ теченіе дня распространилось извѣстіе, что русскимъ консуломъ въ Марселѣ получена телеграмма отъ нашего посланника въ Аѳинахъ слѣдующаго содержанія: «Совѣтуйте соотечественникамъ отправляться на пароходѣ лишь до Салоникъ, а оттуда черезъ Нишъ, Софію и Бухарестъ въ Россію. Путь на Смирну небезопасенъ».

Лица, запасшіеся билетами на рейсъ черезъ Смирну, понятно, встревожились, и, когда консулъ подтвердилъ полученіе имъ упомянутой телеграммы, стали требовать въ конторѣ пароходства обратно деньги или распоряженія объ отправленіи парохода на Салоники. Пароходство деньги возвратило, но одинъ изъ его директоровъ поспѣшилъ къ русскому консулу съ претензіей, что онъ, сообщивъ русскимъ путешественникамъ телеграмму аѳинскаго посланника, нанесъ

ущербъ пароходству, потерявшему нѣсколько десятковъ пассажировъ. Консулъ справедливо замѣтилъ директору, что интересы русскихъ ему ближе интересовъ пароходной компаніи.

Какъ бы то ни было, но стало ясно, что изъ Марселя прямымъ путемъ въ Россію попасть невозможно. Оставаться въ Марселѣ также не было основаній, такъ какъ городъ этотъ не представляетъ ни большихъ удобствъ для жизни, ни сколько-нибудь значительнаго интереса для туриста.

Говорятъ: «Одесса — русскій Марсель». Сравненіе обидное для Одессы, которая и больше, и гораздо красивѣе Марселя. Позади двухъ-трехъ недурныхъ бульваровъ скрываются узкіе и грязные переулки.

Гордятся марсельцы своей главной улицей—Каннебьеръ, и говорятъ, что если бы Парижъ имѣлъ Каннебьеръ, то онъ былъ бы маленькимъ Марселемъ. Но это, конечно, только обычная для юга манера выражаться.

Тартарэнъ никогда не умиралъ и не умретъ въ Провансѣ. Онъ бѣгаетъ по Каннебьеръ, сидитъ за столикомъ въ кафе, хвастается и создаетъ разныя небылицы, которыя охотно подхватываются Тартарэнами южныхъ французскихъ газетъ.

«Маленькій Марселецъ», «Солнце Юга», «Маленькій Провансалецъ» одинъ передъ

другимъ и по нѣскольку разъ въ день обгоняютъ другъ друга въ погонѣ за сенсаціями и сантимами.

Южныя французскія газеты, вообще въ сильно приподнятомъ, патетическомъ тонѣ передававшія всякія слухи и сужденія о войнѣ и по поводу войны, восторгались успѣхами русскаго оружія и уже въ концѣ августа пророчили близкій разгромъ германской имперіи. Въ марсельской газетѣ «Солнце Юга», 1 сентября н. ст., была напечатана высокопарная «Ода къ Россіи» мѣстнаго поэта Эмиля Сикара, изъ которой я приведу нѣсколько отрывковъ, чтобы дать понятіе объ ея стилѣ.

«Тулонъ! Кронштадтъ!.. Наши оружія уже соединились. Великіе должны были соединиться. Орлеанская Дѣва помолилась передъ святой иконой, затѣмъ—настало будущее.

«Изъ вулкана имперій поднялось пламя. Земля дрогнула. Богъ прошелъ мимо. Горгона породила безуміе у вратъ всѣхъ странъ.

«Тогда поднялся надъ міромъ Петръ Великій. Отъ Украйны до Урала послышался его голосъ; глубокій ропотъ увлекъ его коня...

«Николай II поклялся. Народы услышали Его, и степь задрожала. Прометей сошелъ съ высотъ Кавказа, смущеннаго голосами мучениковъ...

«Донскіе казаки побѣжали въ равнины, и задрожалъ Дунай. Вѣчность царей разбила свои цѣпи и благословила бой...

«Толстой возсталъ изъ гроба, взялъ въ руки тирсъ и поднесъ его войнѣ, а Петръ Плотникъ провозгласилъ: «Носитель свѣта будетъ носить и лавры»...

«Россія, сѣверная святая, полярная твердыня; Россія—пламя подъ снѣгомъ, горностай на стальномъ щитѣ; Россія—надежда вселенной и вѣра франковъ; Россія бодрствующая, непобѣдимая, архангелъ на Невѣ; Россія вѣрная, справедливая и союзная. Боже, Царя храни!»

Вотъ ужъ, дѣйствительно, можно сказать: хоть нескладно, да отъ добраго сердца!

Что касается неудачъ, постигавшихъ французскія войска, то газеты самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицали даже самую возможность чего-либо подобнаго и жестоко обрушились на сенатора Жерве, напечатавшаго въ «Matin», что одинъ изъ французскихъ полковъ въ Лотарингіи, состоявшій преимущественно изъ провансаловъ, обратился въ бѣгство передъ напоромъ нѣмцевъ и былъ за это подвергнутъ тяжкому наказанію. Кажется, во всемъ французскомъ словарѣ нѣтъ выраженій грубѣе и ругательнѣе тѣхъ, которыми газеты Юга осыпали

злополучнаго сенатора... Но,—увы! его сообщеніе оказалось горькой правдой.

Болѣе всего интересенъ въ Марселѣ его портъ, всегда оживленный и пестрый. Какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній! Всѣ страны свѣта выслали сюда своихъ представителей. Человѣческая кожа всѣхъ оттѣнковъ, отъ блестящей негритянской черноты до прозрачной бѣлизны сѣверянъ. Одежда, обувь — изъ мастерскихъ Стараго и Новаго Свѣта, и въ рукахъ газеты на всѣхъ языкахъ, конечно, кромѣ нѣмецкаго.

Много русскихъ, пришедшихъ проводить пароходъ «Portugal», уходящій въ Одессу съ болѣе, чѣмъ 500 соотечественниками. Многихъ изъ нихъ можно узнать даже издали... по калошамъ; послѣднія до сихъ поръ остаются признакомъ, по которому на европейскомъ югѣ безошибочно отличаютъ нашихъ соотечественниковъ.

Гавань Марселя состоитъ изъ пяти бассейновъ, защищенныхъ огромнымъ моломъ. Пароходы, согласно своему назначенію, распредѣляются въ этихъ пяти портахъ. Въ одномъ стоятъ французскіе пассажирскіе пароходы, въ другомъ военный флотъ, третій предназначенъ для заморской торговли, четвертый и пятый для ввоза хлѣба. На большое пространство раскинулись склады

товаровъ: бочки съ сахаромъ, тюки съ кофе, какао и перцемъ, ящики съ рисомъ, чаемъ и сигарами; груды покрытыхъ брезентами шкуръ овечьихъ и козьихъ и т. д. Все это выгружается разноязычной толпой рабочихъ и матросовъ. Въ свою очередь, пароходы-великаны поглощаютъ въ свои, словно бездонные, люки зеркала, канаты, каменныя плиты, кожи, масло, мыло, свѣчи, корабельные консервы...

Ревутъ сирены океанскихъ пароходовъ, гудятъ свистки, лязгаютъ цѣпи подъемныхъ крановъ, кричатъ рабочіе, а тамъ вдали, за моломъ,—открытое море, гдѣ чуть рябитъ волненіе, но даль его кажется гладкой, упругой и сверкающей...

Оно такъ соблазнительно, это лазурное море, что мы рѣшили отправиться на пароходѣ изъ Марселя въ Ниццу и тамъ выжидать событій; но, къ сожалѣнію, правильнаго пароходнаго сообщенія не оказалось, и пришлось ѣхать въ Ниццу по желѣзной дорогѣ.

ОТЪ МАРСЕЛЯ ДО НИЦЦЫ.

Отъ Марселя до Ниццы въ первый разъ за все путешествіе по Франціи посчастливилось намъ доѣхать безъ всякихъ недоразумѣній и съ опозданіемъ только часа на четыре.

Въ одномъ отдѣленіи съ нами ѣхала пожилая дама, француженка, покинувшая, по настоянію своего сына, артиллерійскаго офицера, Парижъ, надъ которымъ въ это время уже начали летать первые «таубе». Она была свидѣтельницей того, какъ въ кварталѣ Сенъ-Дени были брошены бомбы, разрушившія небольшой магазинъ и ранившія троихъ.

— Послѣ этого сынъ убѣдилъ меня уѣхать изъ Парижа. Онъ увѣренъ, что черезъ мѣсяцъ Парижъ будетъ уже въ безопасности, и тогда онъ пріѣдетъ за мною въ Ниццу. О, если-бы вы знали, что творилось на Орлеанскомъ вокзалѣ и на площади передъ нимъ въ эти тревожные дни! Кажется, нѣсколько десятковъ тысячъ людей ожидали возможности уѣхать изъ Парижа на югъ. Главнымъ образомъ, женщины и дѣти. Инымъ пришлось ждать дня три, безъ сна и пищи, такъ какъ стоило уйти на полчаса, и уже невозможнымъ становилось не только войти въ вокзалъ, но даже къ нему приблизиться.

Въ сосѣднихъ двухъ отдѣленіяхъ—четыре раненыхъ офицера. Всѣ четверо ранены въ ноги, чувствуютъ себя бодро и надѣются вскорѣ возвратиться въ свои части. Ранены они подъ Льежемъ и теперь отправляются въ лазаретъ въ Ниццу. Въ другихъ вагонахъ также есть раненые; съ ними врачъ и санитары.

Поѣздъ, то и дѣло ныряя въ туннеляхъ, бѣжитъ вдоль лазурнаго берега. Солнце высоко стоитъ на блѣдно-синемъ небѣ и не на шутку грѣетъ.

Почти безъ перерыва тянутся виноградники. Виноградъ уже созрѣлъ, и для сбора его, также какъ и для исполненія всѣхъ остальныхъ сельскихъ работъ, призваны запасные свыше 45 лѣтъ. Это было организовано очень быстро и умѣло, такъ что изъ урожая ничего не пропало.

Мелькаютъ нарядныя виллы Сенъ-Рафаэля съ легкими, словно улетающими въ небо башенками, выпуклыя кровли которыхъ унизаны грѣющимися на солнцѣ голубями. Кругомъ вѣчно зеленая и вѣчно чѣмъ-нибудь цвѣтущая изгородь и старые, густо разросшіеся кактусы и агавы съ мясистыми, растрескавшимися листьями.

ВЪ НИЦЦѢ.

Вечеромъ пріѣхали въ Ниццу.

Уже взошла луна, полная и яркая. Въ садахъ, вокругъ нарядныхъ виллъ, тѣни пальмъ ложатся ярко и длинно. Въ верхушкахъ деревьевъ громко верещатъ цикады и волны ритмически ударяютъ въ берега.

Въ воздухѣ тихо. Но вотъ гдѣ-то раздались рукоплесканія и одинъ за другимъ про-

неслись автомобили съ флагами Краснаго Креста. Что это такое? Это жители Ниццы встрѣчаютъ раненыхъ, доставленныхъ съ нашимъ поѣздомъ и теперь развозимыхъ по лазаретамъ. Оказывается, каждую ночь ихъ привозятъ, иногда партіями въ 300—400 человѣкъ, и толпа терпѣливо простаиваетъ у вокзала и на ведущихъ къ нему улицахъ, иногда до разсвѣта, чтобы привѣтствовать раненыхъ рукоплесканіями.

Вотъ и Promenade des Anglais. Ярко освѣщенъ Казино-Жетэ. Извозчикъ объясняетъ, что здѣсь тоже лазаретъ и бюро для выдачи пособій женамъ запасныхъ, ушедшихъ на войну. А въ Муниципальномъ Казино—штабъ генералъ-губернатора укрѣпленнаго лагеря Ниццы. Всѣ большіе отели заняты подъ раненыхъ.

На утро пришлось убѣдиться, что городъ совсѣмъ неузнаваемъ. Ницца, про которую поэтъ сказалъ, что она «веселья и свѣта полна», превратилась въ городъ-госпиталь. Изъ большихъ отелей для публики открытъ лишь одинъ «Люксембургъ» на набережной. Всѣ остальные обращены въ лазареты.

Въ роскошныхъ залахъ отелей Рюля, Рояль, Негреско и др., а также въ гостиницахъ-дворцахъ надъ Ниццей, въ Симіэ,—рядами стоятъ кровати, и на нихъ лежатъ раненые.

Въ отношеніи климата и помѣщеній ни одинъ городъ не могъ предоставить большихъ удобствъ для раненыхъ. Нигдѣ нѣтъ такого количества многоэтажныхъ, великолѣпныхъ гостиницъ съ такими просторными и высокими залами, съ мебелью и постелями, предназначенными для самыхъ избалованныхъ людей.

Къ сожалѣнію, санитарная часть поставлена здѣсь далеко не удовлетворительно. Есть лазареты, гдѣ на 70 раненыхъ только одинъ врачъ и что значительно хуже—одно полотенце и одинъ кусокъ мыла на цѣлый день. А пожертвованія, столь необходимыя, притекаютъ не обильно. Жертвуютъ, главнымъ образомъ, виномъ, печеньемъ и цвѣтами, а въ перевязочныхъ средствахъ постоянный недостатокъ.

— А что дѣлается въ Монте-Карло?

— O, c'est triste, comme un bonnet de nuit!— слѣдуетъ отвѣтъ. Первые три дня послѣ объявленія войны еще играли за двумя-тремя столами, причемъ золото было замѣнено жетонами. А затѣмъ произошли бурныя манифестаціи противъ Hôtel de Paris, принадлежавшаго нѣмецкому акціонерному обществу, и вообще создалось такое настроеніе, что администрація игорнаго дома поспѣшила прекратить игру. Теперь Hôtel de Paris реквизированъ подъ лазаретъ.

Съ большой быстротой были въ самомъ началѣ войны высланы изъ Ниццы всѣ нѣмцы и австрійцы. Генералъ-губернаторъ Галопэнъ въ гоненіи на все нѣмецкое проявилъ большую распорядительность и настойчивость. Ему, конечно, охотно помогло все населеніе Ниццы.

Всѣ нѣмецкіе отели и магазины сейчасъ-же были реквизированы; въ теченіе нѣсколькихъ часовъ исчезли всѣ нѣмецкія надписи и названія. Аптекари даже спрятали всѣ нѣмецкія минеральныя воды и медикаменты, отказываясь ихъ продавать. Хозяйка отеля, въ которомъ я жилъ, долго искала, нѣтъ-ли у нея въ домѣ чего-нибудь нѣмецкаго, и, наконецъ, найдя барометръ съ рекламой австрійскаго пароходства, выбросила его въ мусорный ящикъ.

Владѣльцы магазиновъ, фамиліи которыхъ могли показаться нѣмецкими, поспѣшили выставить на окнахъ объявленія: «Хозяинъ—французскій подданный, его сыновья мобилизованы».

Вся торговля Ниццы, которая живетъ въ обычное время исключительно богатыми иностранцами, пріѣзжающими сюда развлекаться, теперь, конечно, совсѣмъ остановилась. Закрыты не только роскошные магазины парижскихъ и лондонскихъ ювелировъ и отдѣленія знаменитыхъ парижскихъ порт-

ныхъ, но также и много маленькихъ магазиновъ, хозяева и приказчики которыхъ призваны на военную службу. Есть улицы, на которыхъ изъ десятка магазиновъ открытъ лишь одинъ.

НИЦЦА НА ВОЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Ницца—лагерь не только на словахъ, но и въ дѣйствительности. На Шато, надъ городомъ, стоитъ артиллерія; около пушекъ, направленныхъ на море, круглыя сутки дежуритъ прислуга. Днемъ надъ городомъ летаютъ военные аэропланы, а ночью прожекторы то и дѣло бросаютъ снопы свѣта въ море. Всѣ улицы полны офицерами и солдатами всѣхъ родовъ оружія. Одно время здѣсь скопилось, въ ожиданіи отправки на сѣверъ, около 140 тысячъ войска, которое было размѣщено частью въ городѣ, частью въ окрестностяхъ.

Около больницъ и тѣхъ гостиницъ и частныхъ домовъ, гдѣ находятся раненые, улицы перегорожены, чтобы больныхъ не безпокоилъ шумъ экипажей и автомобилей. Впрочемъ, частныхъ автомобилей осталось очень немного; кажется, девять десятыхъ реквизировано для Краснаго Креста и для разнообразныхъ военныхъ нуждъ. Реквизиція продолжалась нѣсколько дней, причемъ на ули-

цахъ, прилегающихъ къ площади Массена, гдѣ въ наскоро сколоченномъ павильонѣ засѣдала реквизиціонная комиссія, безконечной лентой тянулись самые разнообразные автомобили,—роскошные ландолэ, автомобили-платформы, автобусы, автомобили гостиницъ и магазиновъ, грузовики и т. д. Свободными были объявлены только совсѣмъ старыя машины; остальныя были пріобрѣтены по довольно высокой оцѣнки, причемъ владѣльцамъ-иностранцамъ платили наличными деньгами, а французамъ—особыми чеками для полученія денегъ по окончаніи войны.

Съ утра по поздней ночи, даже мѣшая движенію трамваевъ, стоитъ толпа около редакцій газетъ, ожидая телеграммъ. Каждый новый плакатъ со свѣжими извѣстіями тутъ же обсуждается на разные лады со свойственными южанамъ живостью и горячностью. Въ залахъ редакцій также тѣсно: публика разсматриваетъ портреты героевъ войны, фотографіи мѣстъ недавнихъ сраженій и снимки бельгійскихъ городовъ и деревень, обращенныхъ нѣмцами въ развалины. Тутъ же развѣшаны трофеи въ видѣ нѣмецкихъ касокъ, ружей, штыковъ, револьверовъ и десятокъ пуль думъ-думъ. Въ отдѣльныхъ витринахъ лежатъ вещи, пожертвованныя для продажи въ пользу раненыхъ и бельгійскихъ бѣженцевъ.

Послѣднихъ съ каждымъ днемъ становилось все больше и больше. Принужденные бѣжать изъ своей страны, эти люди, большею частью старики, женщины и дѣти, были направлены изъ Парижа въ Ниццу. Городское управленіе ассигновало средства, чтобы дать имъ кровъ и пищу, но средства эти оказались недостаточными. Особенно ощущалась нужда въ помѣщеніи, такъ какъ все уже было занято подъ лазареты и подъ войска.

Помогъ случай. Противъ вокзала находится большой отель «Терминюсъ», на хозяина котораго уже давно косились ниццары, предполагая въ немъ не эльзасца, какимъ онъ себя называлъ, а нѣмца или австріяка. Однажды, когда везли раненыхъ, хозяинъ «Терминюса» стоялъ въ дверяхъ отеля вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Обращаясь къ нему, онъ, будто-бы, высказалъ сожалѣніе, что раненыхъ мало, и желаніе, чтобы ихъ было побольше. Дѣйствительно-ли были сказаны эти слова, никому неизвѣстно, но толпа бросилась громить отель. Успѣли разбить нѣсколько стеколъ и поломать немного мебели. Дальнѣйшій разгромъ былъ прекращенъ полиціей, а на утро уже появился приказъ генералъ-губернатора о реквизиціи отеля «Терминюсъ» для помѣщенія въ немъ бельгійскихъ бѣженцевъ.

ПОМОЩЬ РУССКИМЪ БѢЖЕНЦАМЪ.

Вслѣдъ за бѣженцами бельгійскими появились изъ Парижа бѣженцы русскіе, которые тоже нуждались въ пріютѣ и въ пищѣ. Въ Ниццѣ существуютъ русское собраніе и русскій благотворительный комитетъ. Русское собраніе—клубъ, гдѣ зимой собирается русская колонія, слегка поигрываетъ въ карты и разъ въ недѣлю устраиваются танцовальные вечера; благотворительный комитетъ заботится, главнымъ образомъ, о возвращеніи въ Россію проигравшихся въ Монте-Карло. Въ настоящее время въ Ниццѣ не оказалось почти ни одного изъ членовъ этого комитета, а его казначей—почтенный настоятель русскаго собора въ Ниццѣ отецъ Любимовъ—былъ задержанъ гдѣ-то въ Баваріи, откуда ему удалось выбраться значительно позднѣе.

По почину нѣсколькихъ членовъ русское собраніе было созвано на чрезвычайное совѣщаніе, на которое собрались нѣсколько членовъ, десятка два лицъ, пожелавшихъ принять участіе въ судьбѣ бѣженцевъ-соотечественниковъ, и, наконецъ, сами злополучные бѣженцы. Они разсказали о тѣхъ мытарствахъ, какія испытали въ Парижѣ, и о той нуждѣ, какая встрѣтила ихъ

въ Ниццѣ. Одни изъ нихъ, за отсутствіемъ крова, нѣсколько ночей провели гдѣ-то въ лѣсу подъ Ниццей, другіе голодали. Среди нихъ было много студентовъ, матросы съ торговыхъ судовъ, фельдшерицы, электротехники,—всего болѣе ста человѣкъ.

Совѣщаніе выбрало изъ числа присутствовавшихъ комитетъ, который долженъ былъ позаботиться о судьбѣ этихъ брошенныхъ на произволъ судьбы людей. Затѣмъ тутъ же было собрано франковъ двѣсти, которые и были розданы наиболѣе нуждавшимся.

Очень существенную поддержку оказала бѣженцамъ г-жа Фелія Литвинъ, находившаяся въ это время въ Ниццѣ. Она просила у префекта полиціи разрѣшеніе на устройство концерта въ пользу бѣженцевъ и раненыхъ, причемъ предполагала устроить этотъ концертъ гдѣ-нибудь на открытомъ воздухѣ, чтобы собрать возможно больше публики. Подобный концертъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ уже былъ устроенъ ею въ Ройанѣ и привлекъ огромную толпу, набросавшую въ солдатское кепи, съ которымъ знаменитая пѣвица обходила слушателей, очень много денегъ въ пользу Краснаго Креста. Къ сожалѣнію, префектъ ниццской полиціи не разрѣшилъ такого концерта, ссылаясь на то, что во Франціи на все время войны запре-

щены всякія «увеселенія», кромѣ кинематографа.

Однако артистка нашла способъ обойти это запрещеніе. Она устроила концертъ въ большомъ залѣ отеля «Люксембургъ», куда публика собралась будто бы къ ней въ гости. Съ большимъ подъемомъ г-жа Литвинъ исполнила гимны бельгійскій, англійскій, французскій и русскій, а затѣмъ нѣсколько арій изъ оперъ своего репертуара. По окончаніи концерта она обошла своихъ гостей съ сумочкой, въ которой потомъ оказалось около трехъ тысячъ франковъ. Эти деньги г-жа Литвинъ раздѣлила на три равныя части: бѣженцамъ бельгійскимъ, бѣженцамъ русскимъ и французскимъ раненымъ.

Концертъ г-жи Литвинъ былъ единственнымъ удовольствіемъ за цѣлый мѣсяцъ пребыванія въ Ниццѣ. Въ остальное время русскіе вольные и невольные обитатели Ниццы довольствовались тѣмъ, что каждый вечеръ послѣ обѣда отправлялись въ Café de Paris, гдѣ въ ресторанномъ залѣ устроенъ кинематографъ. Неизмѣнно предшествовавшія представленію какой-нибудь драмы сцены изъ военной жизни, русской и французской, всегда сопровождались рукоплесканіями и шумными возгласами одобренія.

Къ одиннадцати часамъ скромное развлеченіе оканчивалось, и всѣ расходились по

домамъ. Проходя мимо Муниципальнаго казино, гдѣ въ дверяхъ вмѣсто услужливыхъ шассеровъ стоятъ часовые съ ружьями, мимо веселыхъ баровъ Максима и Эрнеста съ наглухо закрытыми желѣзными ставнями окна ми, и по пустынной променадѣ, казалось, что это не Ницца, а какой-то совсѣмъ другой городъ. Точно въ театрѣ произошла чистая перемѣна декорацій!

Къ концу сентября въ Ниццу съѣхалось много парижанъ. Въ пять часовъ за чаемъ въ кондитерской Вогада стали появляться нарядныя дамы и ихъ кавалеры; передъ обѣдомъ на променадѣ, точно въ разгаръ сезона, много гуляющихъ. Даже Редфернъ, а за нимъ и еще нѣсколько модныхъ портныхъ, попробовали робко приподнять ставни въ своихъ ателье, но кліентокъ, вѣроятно, не оказалось, и черезъ нѣсколько дней они снова закрылись.

У парижанъ, среди которыхъ много представителей аристократіи, родовитой и финансовой, нѣтъ денегъ. Послѣдствіемъ «мораторіума» явилось прекращеніе платежей. Банки по текущимъ счетамъ хотя бы на сотни тысячъ стали выдавать только по 250 франковъ въ мѣсяцъ; другіе виды доходовъ также либо совсѣмъ прекратились, либо значительно уменьшились. Иностранцы, и въ частности—русскіе, по своимъ кредитивамъ

также могли получать лишь самыя ограниченныя суммы, а переводы изъ Россіи получались съ большими затрудненіями и опозданіями, причемъ банки не стѣснялись за франкъ брать 55 и даже 60 коп. Только въ концѣ августа наладилось полученіе денегъ изъ Россіи черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, которое, однако, не принимало въ депозитъ болѣе 300 франковъ для одного лица. Такимъ образомъ, приходилось быть въ своихъ расходахъ очень осмотрительнымъ и разсчетливымъ.

РУССКІЯ ГАЗЕТЫ.

Въ Ниццѣ я впервые, послѣ долгаго перерыва увидѣлъ русскія газеты. Онѣ получались очень неисправно, съ перерывами, на 20-й день послѣ выхода въ Петроградѣ или Москвѣ, а иногда и позже, и въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ продавались въ кіоскахъ, гдѣ ихъ тотчасъ же расхватывали, такъ что погоня за ними обратилась въ своего рода спортъ.

Впрочемъ, русскія газеты, и не только газеты, но и книги, можно читать и въ безплатной библіотекѣ имени Герцена, основанной всего два года тому назадъ по случаю столѣтія со дня рожденія знаменитаго писателя, въ Ниццѣ же, какъ извѣстно, и по-

гребеннаго. Это молодое учрежденіе быстро завоевало себѣ симпатіи всегда многочисленной въ Ниццѣ русской колоніи. Открытая для всѣхъ желающихъ въ теченіе 6 часовъ ежедневно, библіотека стала привлекать какъ безплатныхъ читателей, пользующихся книгами и газетами въ самомъ ея помѣщеніи, такъ и подписчиковъ, берущихъ книги на домъ за небольшую плату. По подсчету за 1913 годъ число посѣщеній достигало 8.000 чел. Чѣмъ популярнѣе становилась читальня-библіотека Герцена, тѣмъ больше притекали въ нее пожертвованія книгами и періодическими изданіями, такъ что въ настоящее время она имѣетъ уже болѣе 2.000 томовъ (въ томъ числѣ—есть русскіе классики и довольно обширный отдѣлъ новѣйшей беллетристики) и получаетъ газеты и журналы, безъ различія направленій. Благодаря своей полной безпартійности, библіотека сдѣлалась центромъ русской колоніи въ Ниццѣ: сюда заходятъ люди всевозможныхъ общественныхъ положеній; здѣсь можно получить всякія справки, интересующія русскаго человѣка, найти подходящія знакомства, работу и т. п. Конечно, библіотека еще нуждается, и очень нуждается, въ матеріальной поддержкѣ для того, чтобы упрочить свое существованіе; но при томъ общемъ сочувствіи, какимъ она поль-

зуется не только въ Ниццѣ, но и на всей Ривьерѣ, нельзя сомнѣваться, что необходимыя для нея средства не изсякнутъ.

СПОСОБЫ ВОЗВРАЩЕНІЯ НА РОДИНУ.

Понятно, что теперь, во время войны, здѣсь сосредоточивались всѣ свѣдѣнія относительно наиболѣе удобныхъ способовъ возвращенія въ Россію. Каждый уѣхавшій на родину сообщалъ сюда подробный маршрутъ своего пути, съ указаніемъ даже цѣнъ за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ; эти свѣдѣнія вывѣшивались на стѣнкѣ и служили руководствомъ для дальнѣйшихъ партій русскихъ странниковъ. Такимъ образомъ и выяснилось, что съ закрытіемъ Дарданеллъ самымъ удобнымъ является путь на Бриндизи—Пирей—Салоники— Нишъ— Софію— Бухарестъ. Этимъ путемъ я и рѣшилъ воспользоваться, хотя нашъ консулъ въ Ниццѣ, г. Коншинъ, настоятельно рекомендовалъ ѣхать изъ Генуи, кругомъ всей Европы, на Архангельскъ, указывая, что это путешествіе потребуетъ всего 18 дней и обойдется по 88 рублей съ человѣка. Не знаю, нашлись ли любители столь сильныхъ ощущеній; но если и нашлись — не думаю, чтобы ихъ было много...

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Для выѣзда изъ Франціи въ Италію нужно было визировать паспортъ у итальянскаго консула и запастись итальянскими деньгами, такъ какъ упорно держался слухъ, (потомъ не подтвердившійся), что въ Италіи не мѣняютъ французскихъ бумажекъ.

Пріобрѣтя у кассира монте - карловскаго казино нѣкоторый запасъ французскаго золота, причемъ за каждые двадцать франковъ пришлось заплатить по двадцать два, по совѣту одного мѣстнаго жителя, я обратился за итальянскими деньгами къ какому-то ростовщику, торговцу дичью Живетъ онъ въ старой Ниццѣ, въ глухомъ и узкомъ переулкѣ, куда вечеромъ опасно заходить: пожалуй, могутъ ограбить. Ростовшикъ размѣнялъ мнѣ французскія бумажки на итальянскія—по лирѣ за франкъ.

Отъ Ниццы до Вентимильи (итальянская граница) поѣздъ шелъ шесть часовъ, тогда какъ въ обычное время этотъ переѣздъ требуетъ не болѣе часа. Для выигрыша времени я хотѣлъ ѣхать въ Вентимильи на автомобилѣ, но оказалось, что автомобилей не пропускаютъ дальше Ментоны.

Какъ только поѣздъ пришелъ въ Вентимилью, сразу почувствовалось, что мы уже не въ воюющей странѣ, и, что въ Италіи жизнь

не отступила отъ своего обычнаго порядка. Нѣтъ больше вагоновъ-лазаретовъ, не видно стражи, охраняющей мосты и вокзалы, поѣзда уходятъ и приходятъ по расписанію. На станціяхъ веселая и оживленная толпа, мальчишки съ газетами и всѣмъ извѣстными, обернутыми въ камышъ, бутылками кіанти...

ВЪ ГЕНУЭ.

Къ обѣду пріѣхали въ Геную. Въ громадномъ отелѣ «Мирамаре», на горѣ надъ городомъ, обитателей мало. Замѣтно, что путешественниковъ не много и въ Италіи. Въ столовой во время обѣда занято только нѣсколько столиковъ, преимущественно англичанами.

Съ просторной террассы отеля открывается великолѣпный видъ на городъ и море. Разноцвѣтными огнями свѣтятся пароходы въ порту, въ городѣ ярко горятъ электрическія вывѣски магазиновъ, кафе и кинематографовъ, летятъ по всѣмъ направленіямъ автомобили, кстати сказать, здѣсь очень хорошіе и недорогіе.

Кафе полны народа, трудно найти свободный столикъ; открыто большинство театровъ, и только толпы народа у редакцій, гдѣ выставляются телеграммы, указываютъ на тревожное время.

Небольшой кружокъ русскихъ, собравшійся послѣ 11 часовъ въ ночной ресторанъ «Эденъ», заказалъ оркестру сыграть весь его русскій репертуаръ. При первыхъ звукахъ «камаринской» общее веселье охватило залъ: недоумѣвающая публика почувствовала въ мотивѣ что то заразительное. Переглядывались, спрашивали другъ у друга объясненій и, когда узнали, въ чемъ дѣло, раздались общія рукоплесканія. Какая то итальянка крикнула: «Evviva la Russia!» И всѣ опять захлопали въ ладоши и смотрѣли на русскихъ дружескими и сочувствующими глазами. До поздней ночи жиденькій оркестръ игралъ, какъ умѣлъ, русскіе романсы, цыганскія пѣсни и попурри, а международная публика съ возрастающимъ интересомъ и удовольствіемъ прислушивалась къ мало знакомымъ мотивамъ...

Утромъ въ коридорѣ гостиницы я встрѣтилъ какихъ то оффиціальныхъ лицъ съ планами въ рукахъ. Ихъ сопровождалъ директоръ отеля. Послѣ я спросилъ у него, съ кѣмъ онъ ходилъ осматривать гостиницу. Оказалось, что это была городская комиссія, члены которой обходили всѣ самыя большія зданія въ городѣ, чтобы выяснить ихъ пригодность для разныхъ надобностей на случай войны.

Впрочемъ, большая часть итальянскихъ

газетъ настаивала на нейтралитетѣ; въ частныхъ разговорахъ итальянцы соглашались съ этимъ мнѣніемъ, говоря, что все равно— Тріестъ и Тріентъ достанутся Италіи, такъ какъ Австрія уже достаточно обезсилена.

Генуя въ послѣдніе годы нѣсколько расширилась и украсилась. Городъ построенъ на утесахъ, которые понемногу срываются для прокладки новыхъ улицъ, причемъ уничтожаются старинныя укрѣпленія. Около знаменитаго опернаго театра Карло-Феличе, теперь закрытаго, на Віа Бальби и Віа Рома, много новыхъ красивыхъ домовъ, но позади нихъ скрываются самые неприглядные переулки, и различіе между богатствомъ и бѣдностью рѣзко бросается въ глаза. Впрочемъ, почти всѣ улицы узки, и тротуары такой ширины, что вагоны трамвая мѣстами захватываютъ часть тротуара.

Генуэзскій портъ едва-ли не больше марсельскаго: вмѣстѣ съ аванпортомъ онъ занимаетъ площадь въ 240 десятинъ, и его ежегодно посѣщаютъ около десяти тысячъ пароходовъ. По случаю войны, пароходовъ стало приходить гораздо меньше, и портовые рабочіе очень страдаютъ отъ безработицы. Изъ-за отсутствія правильныхъ рейсовъ между Генуей и многими иностранными портами должны были сократить свои производства генуэзскія фабрики бархата и шелка, и

совершенно прекратить свою дѣятельность около десятка транспортныхъ конторъ.

Въ красивомъ пассажѣ Мадзини, напоминающемъ пассажъ Виктора-Эммануила въ Миланѣ, на каждомъ шагу встрѣчаются русскія лица и слышится русская рѣчь... Большинство русскихъ пріѣхало сюда изъ Швейцаріи, гдѣ въ моментъ объявленія войны нашихъ соотечественниковъ, какъ извѣстно, оказалось около двадцати тысячъ. Полученіе денегъ изъ Россіи было тамъ еще труднѣе, чѣмъ во Франціи, и огромныя толпы народа съ утра до ночи осаждали русское посольство въ Бернѣ. Потребовалось болѣе мѣсяца, чтобы такъ или иначе всѣхъ удовлетворить и отослать по направленію къ родинѣ.

Нѣсколько сотъ такихъ русскихъ бродило по Генуѣ въ то время, когда я туда пріѣхалъ. Они должны были отправиться въ Салоники на пароходѣ добровольнаго флота «Екатерина». Къ несчастью, на пароходѣ произошла какая то поломка, и онъ на неопредѣленное время былъ уведенъ въ докъ, что, конечно, окончательно разстроило нервы путешественниковъ и, вѣроятно, доставило много непріятныхъ минутъ русскому консулу, которому пришлось ихъ утѣшать.

...Быстро мелькаетъ рядъ туннелей, и поѣздъ несется къ Вѣчному Городу.

ВЪ РИМѢ.

Въ Римѣ, къ величайшему моему сожалѣнію, мнѣ пришлось пробыть всего только 6 часовъ,—отъ поѣзда до поѣзда. Тѣмъ не менѣе, я взялъ извозчика и велѣлъ везти себя къ собору св. Петра, а затѣмъ наскоро обѣжалъ Ватиканскій музей и Сикстинскую капеллу, чтобы увидѣть Лаокоона, Аполлона Бельведерскаго, Дискобола, фрески Рафаэля и Страшный Судъ Микель Анджело. Потомъ также мелькомъ взглянулъ на Колизей и Форумъ, поднялся на Капитолій—и вернулся на вокзалъ. Словно во снѣ я вижу теперь все это передъ собою.

И въ Римѣ чувствуется отсутствіе туристовъ, обычно огромной толпой наполняющихъ всѣ замѣчательныя мѣста. На паперти св. Петра меня атаковали торговцы открытками и разными ненужными бездѣлушками вродѣ дешевой мозаики: «Дайте хоть что-нибудь, синьоръ! Да здравствуетъ Россія! Мы всѣ разорены,—некому продавать эти вещи...» Гиды предлагаютъ свои услуги чуть не даромъ, лишь бы что-нибудь заработать. Въ соборѣ насъ было человѣкъ десять, въ Колизеѣ—и того меньше. Музей въ тотъ день былъ открытъ безплатно, но и тамъ было очень просторно...

По дорогѣ въ Неаполь сосѣди-итальянцы также жалуются на общій застой въ торговыхъ дѣлахъ, говорятъ о цѣломъ рядѣ банкротствъ, вызванныхъ прекращеніемъ платежей германскими и австрійскими фирмами, и, между прочимъ, высказываютъ такое мнѣніе, что Италія, пожалуй, не прочь была бы принять участіе въ войнѣ (и, конечно,—противъ Австріи), если бы ея финансы, и особенно армія, находились въ лучшемъ состояніи. «Африканскія авантюры слишкомъ дорого намъ обошлись, и теперь, говоря откровенно, просто пороху не хватаетъ...»

ВЪ НЕАПОЛѢ.

Въ Неаполѣ, по недоразумѣнію, остановился я въ отелѣ Бертолини-Паласъ, который находится на высокой горѣ, надъ городомъ. Въ сезонъ этотъ отель очень излюбленъ англичанами, но теперь оказался почти пустымъ. Чтобы добраться до него отъ станціи, нужно около получаса ѣхать въ автомобилѣ, все время поднимаясь въ гору. Уже войдя въ преддверіе отеля, нужно еще на 70 метровъ подняться на лифтѣ, чтобы, наконецъ попасть въ самый отель. До нѣкоторой степени искупаетъ такія мытарства чудесный, въ своемъ родѣ единственный видъ, открывающійся съ террасы на весь го-

родъ, его окрестности, Везувій, море и островъ Капри.

Извѣстное выраженіе: «Взгляни на Неаполь и потомъ умри», какъ и вся южная фразеологія, конечно, черезчуръ преувеличено. Надо, впрочемъ, сказать, что впечатлѣніе отъ Неаполя было бы несравненно сильнѣе въ смыслѣ эстетическомъ, если бы мѣстные жители менѣе усердно старались оправдывать изрѣченіе гоголевскаго городничаго. «Стоитъ только гдѣ-нибудь поставить памятникъ, или просто заборъ,—сейчасъ же и накладутъ всякой дряни». Отъ этого и прогулка по городу доставляетъ мало удовольствія. Гораздо пріятнѣе смотрѣть на него съ высоты.

Не имѣя ни времени, ни особеннаго желанія засиживаться въ Неаполѣ (я съѣздилъ только на полъ-дня въ Помпеи), я обратился въ бюро Кука за билетомъ на итальянскій пароходъ, отходящій изъ Бриндизи въ Салоники. Пришлось телеграфировать въ Венецію. Отвѣтъ получился только на другой день—и отрицательный: всѣ мѣста были уже проданы, а слѣдующій пароходъ отходилъ только черезъ недѣлю. Впослѣдствіи оказалось, что этотъ отвѣтъ, очень меня огорчившій, избавилъ меня и другихъ моихъ спутниковъ отъ большихъ непріятностей и денежныхъ потерь.

Путь отъ Неаполя до Бриндизи, поперекъ южной Италіи, идетъ почти сплошь виноградниками, которые здѣсь устроены очень оригинально: виноградныя лозы перебрасываются гирляндами съ дерева на дерево въ нарочно для этого посаженныхъ рощахъ. Урожай былъ обильный, и сборъ только что начинался.

ВЪ БРИНДИЗИ.

Въ Бриндизи меня встрѣтила холодная, дождливая погода. Всю ночь вѣтеръ дулъ съ страшной силой, окна и жалюзи въ моей комнатѣ нѣсколько разъ раскрывались и приходилось бѣгать по каменному полу, чтобы ихъ закрывать. Вѣтеръ продолжался и утромъ, не предвѣщая пріятнаго морского путешествія.

Портъ Бриндизи защищенъ отъ волнъ далеко вдвинувшимся въ море моломъ, но, несмотря на это, въ самой гавани разгуливали волны съ бѣлыми гребнями.

По своей величинѣ, портъ, пожалуй, могъ бы вмѣстить весь флотъ Италіи, но сейчасъ онъ почти пустъ: стоятъ только нѣсколько парусныхъ судовъ и три-четыре парохода. Одинъ изъ нихъ, самый большой,—тотъ самый итальянскій пароходъ, на который я и мои спутники тщетно добивались получить

билеты у Кука въ Неаполѣ. Пароходъ этотъ наканунѣ пришелъ изъ Венеціи и дальше не пойдетъ, хотя онъ полонъ пассажирами, оплатившими свой проѣздъ до Салоникъ.

Пассажиры, понятно, взволнованы и не знаютъ, что предпринять. Агентъ пароходства объясняетъ, что получено правительственное распоряженіе о томъ, чтобы ни одинъ итальянскій пароходъ не покидалъ порта. Онъ предлагаетъ подождать нѣсколько дней: можетъ быть, пароходъ и отправится въ дальнѣйшій путь... Что касается возвращенія денегъ, то онъ отзывается неполученіемъ на этотъ счетъ указаній изъ главной конторы пароходства въ Венеціи.

Изъ нѣсколькихъ сотъ пассажировъ, кажется, только одному энергичному русскому доктору удалось получить обратно свои деньги, и то лишь послѣ трехъ дней сидѣнія въ Бриндизи и посылки цѣлаго ряда срочныхъ телеграммъ въ Венецію.

Остальные пассажиры, не желая задерживаться въ Бриндизи, махнули рукой на потерю денегъ и стали запасаться билетами на греческіе пароходы, совершающіе нѣсколько разъ въ недѣлю правильные рейсы между Бриндизи и Салониками, съ заходомъ въ Патрасъ и на островъ Корфу.

Я еще раньше пріобрѣлъ себѣ каюту на такой пароходъ, который вечеромъ дол-

женъ былъ сняться съ якоря, а пока пошелъ побродить по городу.

Непригляденъ Бриндизи съ его старинными узкими «виколо» и «пьяццами» въ ладонь величиной. Жалкое впечатлѣніе производитъ и главная улица Корсо Умберто, ведущая отъ вокзала въ портъ; здѣсь нѣсколько плохихъ кафе, аптека, парикмахерская, и десятка два лавочекъ, напоминающихъ «ряды» въ какомъ-нибудь нашемъ провинціальномъ захолустьѣ. Нѣсколько запыленныхъ пальмъ и тощихъ перечныхъ деревьевъ, посаженныхъ то тамъ, то здѣсь, не могутъ сгладить унылаго впечатлѣнія.

За сокращеніемъ навигаціи, улицы пустынны. Лишь изрѣдка прогремитъ раскрашенная одноколка, запряженная муломъ или осломъ, да пройдетъ группа окрестныхъ крестьянъ, направляясь на «биржу труда», гдѣ происходитъ наемъ рабочихъ на разныя сельскія работы.

Пообѣдавъ въ единственномъ сносномъ ресторанѣ при гостиницѣ «Интернаціональ», я сталъ собираться на пароходъ, который долженъ былъ отойти около 10 часовъ вечера. Но зашедшій въ гостиницу русскій вице-консулъ сообщилъ, что пароходъ снимется съ якоря не вечеромъ, какъ предполагалось, а только въ 5 или 6 часовъ утра.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что нашъ ви-

це-консулъ въ Бриндизи, кавалеръ Антоніо Сіерра,—итальянецъ, не говорящій по-русски, занимаетъ эту должность уже болѣе 30 лѣтъ и, по его словамъ, за все время службы никогда не видѣлъ столько русскихъ, какъ теперь. Кавалеръ Сіерра, мѣстный старожилъ, знающій въ Бриндизи всѣхъ и все, оказался чрезвычайно любезнымъ и энергичнымъ совѣтникомъ и помощникомъ русскимъ путешественникамъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ и затрудненіяхъ. Онъ дѣлалъ все возможное, чтобы облегчить нашимъ соотечественникамъ размѣнъ денегъ, покупку билетовъ, устранять всякія тренія и недоразумѣнія и т. п., и съ утра до вечера былъ на набережной, около гостиницъ и пароходныхъ конторъ, разыскивая русскихъ и спрашивая, не нужно ли имъ чего-нибудь. Нельзя не поблагодарить кавалера Сіерра за его любезность и внимательность къ нуждамъ нашихъ невольныхъ странниковъ. Между прочимъ, онъ мнѣ разсказалъ, что гр. Витте пріѣхалъ въ Римъ изъ Біаррица на автомобилѣ, который затѣмъ оставилъ въ нашемъ римскомъ посольствѣ, и по желѣзной дорогѣ прибылъ въ Бриндизи, а отсюда уѣхалъ на итальянскомъ пароходѣ въ Одессу.

Переселившись вечеромъ изъ гостиницы въ тѣсную и душную четырехмѣстную каютку греческаго парохода «Измини» и раз-

ложивъ тамъ свои вещи, я поднялся на палубу, чтобы полюбоваться моремъ и городомъ; но въ темнотѣ почти ничего уже нельзя было разглядѣть. Вернувшись въ свою каюту, я прежде всего увидѣлъ—таракановъ, изъ которыхъ одни гуляли по моей постели, а другіе лакомились моимъ мыломъ. Когда же мы раздѣлись и легли спать, то пришлось убѣдиться, что кромѣ таракановъ у насъ имѣются еще и другіе спутники, гораздо болѣе непріятные, и притомъ—въ количествѣ неимовѣрномъ. Но—à la guerre comme à la guerre!

ВЪ МОРѢ.

Пароходъ «Измини» снялся съ якоря на разсвѣтѣ и, выйдя изъ порта Бриндизи, пошелъ едва замѣтнымъ ходомъ, со скоростью не болѣе пяти-шести верстъ въ часъ. Вслѣдствіе этого волна чувствовалась сильнѣе, и большинство пассажировъ страдало отъ морской болѣзни. «Зотосъ» и другія патентованныя средства, предохраняющія, будто-бы, отъ морской болѣзни, не помогали.

Приблизительно послѣ часа медленнаго хода пароходъ остановился; была спущена моторная лодка, въ которую сѣло нѣсколько человѣкъ въ формѣ итальянскихъ морскихъ офицеровъ. Тогда пароходъ сразу пошелъ

полнымъ ходомъ, и лодка скоро исчезла изъ виду, направляясь обратно въ Бриндизи. Оказалось, что это были военные лоцмана, проводившіе нашъ пароходъ среди минъ, которыми обильно заграждены какъ портъ Бриндизи, такъ и весь Отранскій проливъ.

Еще часа три-четыре пароходъ то переваливало съ боку на бокъ, то стремительно подбрасывало вверхъ. Къ первому завтраку въ столовую почти никто не вышелъ. Изъ всѣхъ каютъ раздавались звонки, но прислуга,—невнимательная и грубая, отъ нея не дождешься даже стакана воды.

Къ полудню вѣтеръ сразу стихъ—и пароходъ пошелъ словно по паркету,—не шелохнетъ. Всѣ выползли на палубу. Не хватало табуретокъ и креселъ. Практичные греки таскали ихъ за собой, какъ портфели, подъ мышкой, или оставляли на креслѣ платокъ и четки, составляющія необходимую принадлежность каждаго грека и турка.

Въ жизни своей я не пробовалъ ничего болѣе отвратительнаго, чѣмъ обѣдъ, которымъ угостили пассажировъ «Измини». Греческая кухня, повидимому, приноровлена для спеціально приспособленныхъ вкусовъ и желудковъ. Не менѣе ужасно и мѣстное вино—«резинка», въ которое для лучшей сохранности прибавляется... сосновая смола.

Послѣ обѣда всѣ опять поднялись наверхъ.

На палубѣ третьяго класса, около небольшого ларька, греки и турки угощаются турецкимъ кофе, который тутъ же варится на жаровнѣ, въ миніатюрныхъ жестяныхъ кастрюлечкахъ съ длинными ручками. Въ курительной комнатѣ нѣсколько человѣкъ играютъ въ карты; они такъ кричатъ, жестикулируютъ, съ такимъ ожесточеніемъ бросаютъ на столъ карты, что, кажется, сейчасъ подерутся; однако, игра продолжается благополучно. На носу группа грековъ однообразно тянетъ, подъ заунывные звуки волынки, какую-то народную пѣсню...

Вдругъ игроки бросили карты, пѣвцы остановились на полусловѣ, остальная публика схватилась за бинокли и уставилась ими въ море. Что такое? Прямо на насъ надвигалось большое военное судно, подавая сигналы остановиться. Всѣ успокоились только тогда, когда различили французскій флагъ. Это былъ французскій крейсеръ «Casse-tout», плавающій въ Іоническомъ морѣ для наблюденія за пароходами, чтобы они не провозили военной контрабанды и не плавали подъ чужими флагами.

Крейсеръ остановился недалеко отъ нашего парохода, и вскорѣ къ намъ причалила шлюпка съ молоденькимъ мичманомъ и лейтенантомъ. Послѣдній вошелъ въ капитанскую каюту, чтобы разсмотрѣть судовой

журналъ, а мичманъ тѣмъ временемъ бесѣдовалъ съ окружившей его публикой.

Крейсеръ уже три недѣли не сообщался съ берегомъ и не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о ходѣ событій. Пассажиры разсказали все, что было имъ извѣстно, и надѣлили мичмана оставшимися у нихъ французскими и итальянскими газетами.

Вслѣдъ уходящему крейсеру махали шляпами и платками; оттуда отвѣчали тѣмъ же.

КОРФУ.

Вскорѣ послѣ встрѣчи съ французскимъ крейсеромъ показались берега Корфу. Еще пароходъ не успѣлъ бросить якоря на рейдѣ, какъ къ нему уже неслись со всѣхъ сторонъ, перегоняя другъ друга, шлюпки съ самымъ разнообразнымъ людомъ.

Продавцы винограда, открытыхъ писемъ, табаку и папиросъ, мѣнялы, мальчишки съ греческими газетами, крикливой и назойливой толпой наполнили палубу, осаждая публику. Причалило также нѣсколько тяжело нагруженныхъ баржъ, съ которыхъ на пароходъ поднимали корзины съ виноградомъ и огромныя бутыли оливковаго масла. Появились новые пассажиры,—греческіе офицеры и нѣсколько нѣмцевъ; послѣдніе поспѣшно спустились въ свои каюты и въ остальную часть пути оттуда не выходили.

Въ числѣ пассажировъ, сѣвшихъ на нашъ пароходъ въ Корфу, былъ одинъ греческій офицеръ, легко раненый и уволенный въ отпускъ изъ Эпира, гдѣ онъ находился въ отрядѣ, расположенномъ въ Аргирокастро и дѣйствующемъ противъ албанцевъ. Офицеръ этотъ оказался бывшимъ питомцемъ Тифлисскаго кадетскаго корпуса—и, конечно, хорошо говорилъ по-русски. Албанцы, по его словамъ, имѣютъ много общаго съ нашими черкесами: такіе же дикіе горцы, такіе же лихіе наѣздники и стрѣлки, такъ же безпокоятъ мирное греческое населеніе внезапными набѣгами, сжигая деревни и угоняя въ горы скотъ. Для отраженія этихъ-то постоянныхъ набѣговъ грекамъ и приходится держать у предѣловъ Албаніи до 12.000 войска, жизнь котораго протекаетъ въ самыхъ примитивныхъ условіяхъ дикой горной страны и въ безпрестанной тревогѣ...

Съ помощью этого офицера я познакомился съ содержаніемъ греческихъ газетъ и вынесъ такое впечатлѣніе, что греки, какъ и вообще южные народы, гоняются всего больше за сенсаціонными извѣстіями, мало заботясь о правдѣ, лишь бы было «горячо подано». Такъ, напримѣръ, газеты сообщали, что Турція уже объявила Россіи войну, что англійская эскадра форсировала проходъ черезъ Дарданеллы, что въ Болгаріи задер-

живаютъ русскихъ подданныхъ и т. п. На выраженное мною сомнѣніе въ достовѣрности подобныхъ извѣстій, мой собесѣдникъ отвѣчалъ вопросомъ: «Отчего же нѣтъ?». Отношеніе греческой печати къ Россіи было самое доброжелательное, и если лживыя сообщенія нѣмецкихъ газетъ о побѣдахъ надъ русскими войсками и перепечатывались, то не иначе, какъ съ насмѣшливыми примѣчаніями. Да и по всему было видно, что въ Греціи мы находимся среди друзей.

На о. Корфу находится, какъ извѣстно, знаменитый «Ахиллейонъ», великолѣпный замокъ, принадлежавшій покойной австрійской императрицѣ Елизаветѣ, которая поставила въ своемъ паркѣ прекрасный памятникъ Гейне. Впослѣдствіи «Ахиллейонъ» былъ купленъ Вильгельмомъ, и послѣдній, пріѣхавъ туда, первымъ дѣломъ велѣлъ разбить изображеніе ненавистнаго ему поэта, который въ своей «Дворцовой Легендѣ» такъ мѣтко охарактеризовалъ прусскихъ королей:

Отъ начала и донынѣ
Замѣчалъ недаромъ свѣтъ
Въ каждомъ прусскомъ властелинѣ
Лошадиной крови слѣдъ:
Грубость рѣчи и обжорство,
Засмѣется—словно ржетъ,

Прямо конское упорство,—
Въ каждомъ дюймѣ виденъ скотъ.

«Я и мои товарищи,—говорилъ мнѣ офицеръ,—«хотѣли посмотрѣть на знаменитый замокъ; но тамъ все заперто, заколочено, и никому нѣтъ доступа. Французскія газеты передавали, будто Вильгельмъ еще недавно прикупилъ сосѣднюю съ паркомъ землю, и изъ этого выводили, что онъ готовитъ себѣ здѣсь убѣжище на случай пораженія. Но это вздоръ: во-первыхъ, по сосѣдству съ паркомъ «Ахиллейона» нѣтъ удобной земли, а во-вторыхъ, тамъ никто и ничего не покупалъ. Да и сомнительно, чтобы Грецiя пустила къ себѣ на жительство кайзера,—развѣ только въ качествѣ военноплѣннаго, по рѣшенію державъ-побѣдительницъ»...

ОТЪ КОРФУ ДО ПИРЕЯ.

Отъ Корфу до Патраса пароходъ шель вдоль пустыннаго западнаго берега Греціи. Голыя скалы, почти лишенныя растительности, и лишь изрѣдка — воздѣланныя поля. Утромъ съ полчаса простояли на рейдѣ Патраса, расположеннаго при входѣ въ Коринѳскій заливъ. И здѣсь опять было нашествіе всевозможныхъ торговцевъ мѣстными произведеніями. Патрасъ—маленькій и невзрачный, однако—одинъ изъ самыхъ важныхъ торго-

выхъ городовъ Греціи. Съ парохода ясно была видна набережная со стоящими на ней двумя трехъ-этажными домиками, въ три окошка по фасаду и съ громкими вывѣсками: «Мегалонъ ксенодохіонъ», т., е. «Грандъ-отель», наглядно показывающими, какъ относительны понятія о большомъ и маломъ. А на рейдѣ стояло два крупныхъ пассажирскихъ парохода Австрійскаго Ллойда, задержанныхъ здѣсь по случаю войны.

Быстро промелькнулъ небольшой городокъ Навпактосъ, на сѣверномъ берегу Коринѳскаго залива, съ утопающими въ зелени оливъ бѣлыми церковками и домиками, и пароходъ, обойдя нѣсколько маленькихъ островковъ, приблизился къ узкому каналу, прорытому черезъ Коринѳскій перешеекъ. Городъ Коринѳъ остался вправо, въ глубокой долинѣ, окруженной виноградниками, производящими всѣмъ извѣстную коринку; а налѣво, на высокой скалѣ, виднѣлся Акрокоринѳъ съ остатками старинныхъ укрѣпленій. Каналъ такъ узокъ, что можетъ пропускать только небольшія суда, и нашъ пароходъ, идя самымъ тихимъ ходомъ, чуть не касался его высокихъ, отвѣсныхъ стѣнъ изъ желтаго песчаника. Черезъ полчаса мы уже были на другой сторонѣ перешейка и скорымъ ходомъ пошли къ Пирею.

ПИРЕЙ.

Въ Пирей пришли къ вечеру. Огромный портъ загроможденъ безчисленными кораблями; стоятъ суда всевозможныхъ флаговъ. Шумъ и говоръ несутся съ несмѣтныхъ палубъ, гдѣ перекликаются съ одной на другую обвѣянные всемірными вѣтрами матросы.

Нашъ пароходъ сразу былъ окруженъ множествомъ шлюпокъ. Комиссіонеры отъ гостиницъ, носильщики, лодочники, не ожидая, пока спустятъ трапъ, точно обезьяны взбираются на бортъ, предлагая свои услуги. Багажъ прямо изъ рукъ вырываютъ и съ высоты бросаютъ въ шлюпки, минута невниманія—и багажъ окажется разбросаннымъ по разнымъ шлюпкамъ, откуда выручить его уже трудно.

На пароходъ поднялся русскій вице-консулъ, пріѣхавшій встрѣтить соотечественниковъ и подтвердить имъ извѣстіе о закрытіи Дарданеллъ.

Послѣ формальностей съ предъявленіемъ паспорта и поверхностнаго осмотра багажа въ таможнѣ, я взялъ извозчика и поѣхалъ въ Аѳины.

ВЪ АѲИНАХЪ.

Отъ Пирея до Аѳинъ верстъ восемь. Когда-то по обѣ стороны этой дорогѣ шли знаме-

нитыя «длинныя стѣны», такъ что она была чѣмъ-то въ родѣ корридора; стѣны эти разрушены еще въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. Теперь приходится ѣхать почти параллельно линіи трамвая, совсѣмъ пустынными мѣстами; какіе-то огороды, поля, только изрѣдка стоятъ ветхіе домики. Дорога не важная, и коляска то и дѣло прыгаетъ по ухабамъ.

Черезъ три четверти часа я уже въѣзжалъ въ Аѳины и скоро былъ въ центрѣ города.

Послѣ греческаго парохода съ его грязью, неустройствомъ и отвратительной кухней пріятно было попасть въ чистую, вполнѣ европейскую гостиницу.

Послѣ ужина лакей принесъ мнѣ греческія и итальянскія газеты и отпечатанныя на пишущей машинѣ послѣднія телеграммы.

Въ итальянскихъ газетахъ, между прочимъ, сообщалось о томъ, какъ «Гебенъ» и «Бреслау». укрывшіеся, послѣ бомбардировки береговъ Алжира, въ Мессинскомъ проливѣ, ушли отъ сторожившей ихъ англо-французской эскадры. Темною ночью гдѣ-то въ проливѣ вдругъ послышалась военная музыка, игравшая Wacht am Rein. Звуки воинственнаго нѣмецкаго гимна раздавались все громче и громче, повидимому, приближаясь. Тогда англійскіе и французскіе крейсера, думая, что непріятельскія суда идутъ къ нимъ на встрѣчу, также продвинулись впередъ и, освѣтивъ

море прожекторами, скоро увидали большую барку, на которой помѣщался военный оркестръ, изо всѣхъ силъ дувшій въ трубы. Пока французы и англичане возились съ этой находкой, «Гебенъ» и «Бреслау», потушивъ свои огни, благополучно выбрались изъ пролива другимъ путемъ и полнымъ ходомъ пошли въ Константинополь. Благодаря хитроумной нѣмецкой выдумкѣ время было упущено—и догнать пиратовъ было уже невозможно.

ОСТАТКИ ПРЕЖНИХЪ АѲИНЪ.

Аѳины въ пору возрожденія Греціи, 80 лѣтъ тому назадъ, были совсѣмъ разоренной деревушкой, въ которой насчитывалось не болѣе четырехъ тысячъ бѣдныхъ жителей. Въ настоящее время это вполнѣ европейская столица съ прекрасными широкими улицами, бульварами и красивыми зданіями въ оригинальномъ греческомъ стилѣ, какъ напримѣръ, музей, національная библіотека, университетъ, палата депутатовъ и королевскій дворецъ.

Знаменитый въ древности «Стадіонъ», служившій для панаѳинейскихъ игръ, остатки котораго были обнаружены раскопками въ половинѣ минувшаго столѣтія, въ недавнее время возстановленъ въ томъ самомъ видѣ,

какой онъ имѣлъ при своемъ сооруженіи. Это громадный овальный амфитеатръ въ 60 ступеней-скамеекъ изъ бѣлаго мрамора. Съ верхнихъ ступеней открывается чудный видъ на весь городъ и его окрестности. Сво имъ возстановленіемъ этотъ великолѣпный памятникъ древности обязанъ больше всего щедрости одного греческаго патріота, александрійскаго купца Аверова, который пожертвовалъ на это дѣло нѣсколько милліоновъ драхмъ.

Высоко надъ городомъ, на искусственно укрѣпленномъ холмѣ, возвышаются остатки Акрополя, — эти «святые мраморы Аѳинъ», сохранившіе, несмотря на всѣ превратности и разрушеніе, очаровательную красоту—и также ожидающіе щедраго возстановителя...

Въ Аѳинахъ, какъ и всюду на югѣ, чрезвычайно развита оживленная и шумная уличная жизнь. Кафе, болѣе обширныя, чѣмъ парижскія, съ утра до ночи наполнены публикой. По красивымъ бульварамъ, обсаженнымъ въ нѣсколько рядовъ перечными деревьями, летятъ по всѣмъ направленіямъ трамваи, экипажи и очень изящные автобусы.

Вечеромъ большая площадь Конституціи, съ общественнымъ садомъ, гдѣ играетъ военная музыка, залита пестрой, шумной толпой, среди которой то и дѣло раздаются крики

мальчишекъ, продающихъ газеты, папиросы, мороженое и грецкіе орѣхи. Значительная часть площади установлена столиками, за которыми присаживаются гуляющіе, чтобы выпить чашку турецкаго кофе и посмотрѣть тутъ же наскоро сооруженный кинематографъ. Столики окружены сплошной стѣной народа, такъ что трудно выбраться.

Все это громко разговариваетъ, шумитъ, волнуется, перекликается черезъ нѣсколько столовъ...

Передъ отъѣздомъ изъ Аѳинъ я успѣлъ быстро осмотрѣть Акрополь и другія древности, причемъ проводникомъ мнѣ служилъ простой извозчикъ, отлично знающій всѣ аѳинскіе памятники.

Чтобы по возможности сократить морской переѣздъ на неудобныхъ греческихъ пароходахъ, я рѣшилъ отправиться въ Салоники не изъ Пирея, а изъ Халкиды, куда отъ Аѳинъ идетъ желѣзная дорога, и рано утромъ выѣхалъ изъ города по этому направленію.

ХАЛКИДА.

Отъ Аѳинъ до Халкиды всего два часа пути... Я занялъ мѣсто въ вагонѣ, съ наружной стороны котораго устроенъ балкончикъ, откуда можно любоваться мѣстностью, гдѣ идетъ поѣздъ. Мѣстность эта—древняя Беотія и Фокида—представляетъ,

впрочемъ, мало интереснаго. Мелькаютъ долины съ виноградниками, кое-гдѣ вспаханныя поля и тощіе лѣсочки; мѣстами видны остатки былыхъ укрѣпленій и небольшія селенія.

За станцію до Халкиды въ вагоны уже набрались лодочники, предлагавшіе свои услуги по доставкѣ на пароходъ багажа и пассажировъ.

Въ глубинѣ залива—красивый городокъ, прижавшійся къ горамъ. Рядомъ съ зданіями, считающими свой возрастъ шестью и семью вѣками, много новыхъ красивыхъ домовъ. Весь освѣшенный солнцемъ, въ рамкѣ зеленыхъ садовъ, онъ очень живописенъ. На улицахъ жали вино, и постоянно встрѣчались женщины съ корзинами за спиной; въ корзинахъ виноградъ или выжимки. Виноградъ здѣсь великолѣпенъ, но вино никуда не годится.

Шумливая толпа лодочниковъ, носильщиковъ и дѣтей проводила путешественниковъ до пристани.

Два протяжныхъ гудка—и пароходъ «Ипиросъ» снялся съ якоря, оставивъ позади себя свѣтлый городокъ. Близко-близко прошли мимо старой полуразрушенной башни. «По сѣрымъ камнямъ мохъ ползетъ и плющъ давно заткалъ бойницы»... Пароходъ шелъ, держась береговъ Эбвеи. Море дѣлало извивъ за извивомъ. На склонахъ горъ сѣроватой

зеленью серебрились оливы, виднѣлись деревушки, застѣнчиво выглядывавшія изъ-за зеленыхъ стѣнъ обступившихъ ихъ тополей и платановъ.

Лакей, подавая русскимъ путешественникамъ чай, сразу выпаливалъ всѣ свои познанія по части русскаго языка:

— «Довольно? Спасибо. Оцень хоросо. Понимаете? Позалуста!».

И весело улыбался, гордясь своими познаніями.

Среди пассажировъ третьяго класса человѣкъ тридцать черногорцевъ. Они возвращаются изъ Америки на родину, чтобы принять участіе въ войнѣ противъ Австріи. Ихъ долгій путь былъ полонъ невзгодъ и лишеній; двое по дорогѣ умерли. Русскіе путешественники собрали между собой нѣсколько десятковъ драхмъ и передали ихъ черногорцамъ, которые уже нѣсколько дней почти ничего не ѣли.

Ночь прошла спокойно, и въ предразсвѣтномъ туманѣ показались высокіе, тонкіе минареты.

САЛОНИКИ.

Вскорѣ пароходъ остановился на рейдѣ Салоникъ.

По набережной бродятъ турки, греки,

негры съ египетскихъ судовъ, далматинцы, албанцы, но больше всего евреевъ, которые здѣсь составляютъ почти три четверти всего населенія.

Салоники завоеваны Греціей менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, и мѣстное еврейское населеніе хотя и старается увѣрять въ своей лойяльности, но, повидимому, не особенно довольно присоединеніемъ города къ Греціи: вѣроятно, подъ властью турокъ евреямъ жилось привольнѣе. Вѣдь недаромъ говорится, что одинъ грекъ стоитъ двухъ евреевъ.

Евреи, старые и пожилые, какъ и турки, одѣты въ пестрые ситцевые халаты, подпоясанные широкимъ краснымъ или синимъ поясомъ, а сверху носятъ, не смотря на теплую погоду, длинныя шубы на бѣличьемъ или заячьемъ мѣху; на головѣ неизмѣнная феска. Еврейская молодежь одѣта въ европейское платье.

Мой пріѣздъ въ Салоники совпалъ съ трехдневнымъ еврейскимъ праздникомъ «Кущей». На улицахъ настоящее израильское царство: всѣ еврейскіе магазины закрыты, и еврейская толпа бродитъ по городу, наполняетъ кафе и трамваи, на которыхъ даже рекламы на еврейскомъ языкѣ.

Салоники—совсѣмъ восточный городъ, съ узкими, плохо вымощенными, а кое-гдѣ и

совсѣмъ невымощенными, улицами и переулками.

Только на набережной, да на главной улицѣ — бульварѣ короля Георга — сравнительно чисто; остальная часть города грязна совсѣмъ по-восточному, и не удивительно, что въ Салоникахъ часто бываетъ чума и другія заразныя болѣзни.

На бульварѣ короля Георга особымъ памятникомъ въ видѣ креста отмѣчено мѣсто, гдѣ король палъ отъ руки убійцы.

Изъ достопримѣчательностей города слѣдуетъ упомянуть, такъ называемую, «Бѣлую башню», на набережной, гдѣ былъ заключенъ султанъ Абдулъ-Гамидъ, а теперь помѣщается военная тюрьма, остатки воротъ съ барельефами изъ песчаника временъ Александра Македонскаго и старый храмъ Св. Софіи, долгое время служившій мечетью, а теперь снова обращенный въ православную церковь, хотя рядомъ съ нимъ и стоитъ еще старый минаретъ.

Высоко на горѣ помѣщается цитадель, обнесенная толстыми стѣнами.

Мусульманская часть города стоитъ особнякомъ отъ европейскихъ кварталовъ и сохраняетъ всѣ особенности, свойственныя городамъ Востока.

Въ гостиницѣ «Сплендидъ», гдѣ я остановился, утромъ было немного постояльцевъ,

но къ вечеру всѣ комнаты были уже заняты, такъ какъ пришелъ изъ Генуи пароходъ добровольнаго флота «Одесса» съ 300 русскихъ пассажировъ. На другой день уже невозможно было найти комнаты не только въ лучшихъ отеляхъ города, но и второстепенныя гостиницы оказались переполненными: пришелъ еще пароходъ «Екатеринославъ» изъ той же Генуи, и опять съ значительнымъ числомъ русскихъ. Вслѣдствіе закрытія Дарданеллъ пароходы не могли идти дальше.

Вся эта толпа, конечно, первымъ дѣломъ хлынула въ русское консульство за справками и пособіями.

Русскій консулъ, г. Каль, самъ только недавно возвратился изъ далекаго и непріятнаго путешествія. Получивъ двухмѣсячный отпускъ, онъ поѣхалъ въ Германію, гдѣ и застала его война. Съ большими затрудненіями ему удалось черезъ Данію и Торнео добраться до Петрограда и уже оттуда, черезъ Одессу—въ Салоники, гдѣ онъ сразу оказался заваленнымъ работой.

Что ни день, то приходили итальянскіе, греческіе и русскіе пароходы съ соотечественниками, возвращавшимися на родину. Многіе изъ нихъ были совсѣмъ безъ денегъ; немало также было тяжело больныхъ изъ разныхъ германскихъ санаторій, откуда

нѣмцы ихъ просто выгнали. Со всѣми приходилось бесѣдовать, всѣхъ такъ или иначе удовлетворять: больныхъ помѣщать въ имѣющуюся въ Салоникахъ русскую больницу, неимущихъ снабжать средствами для дальнѣйшаго путешествія.

Къ тому же, консулу приходилось различать дѣйствительно неимущихъ отъ имѣющихъ деньги, но все-таки желающихъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для того, чтобы даромъ получить сотню франковъ. Ѣхали иные такіе господа отъ консула до консула, отъ посла до посланника, и нигдѣ не пропускали случая, чтобы не попросить безвозвратной ссуды.

Отъ г. Каля я узналъ, что болгарское правительство, желая доказать свой строгій нейтралитетъ, разрѣшаетъ русскимъ подданнымъ лишь безостановочный проѣздъ черезъ болгарскую территорію отъ Цариброда до Варны, въ запертыхъ вагонахъ, съ обязательствомъ не выходить ни на одной станціи, кромѣ особо указанныхъ трехъ или четырехъ, и не вступать ни въ какія сношенія съ мѣстными жителями, а въ Варнѣ прямо съ поѣзда сѣсть на пароходъ Добровольнаго Флота, который доставитъ ихъ въ Одессу.

Находя это распоряженіе для себя совершенно неисполнимымъ, я обратился къ серб-

скому и румынскому консуламъ, которые дали мнѣ совѣтъ, во всякомъ случаѣ, ѣхать черезъ Нишъ и оттуда черезъ Неготинъ, или по Сербіи въ Турнъ-Северинъ, или до ближайшей румынской деревни Груи, откуда на лошадяхъ, или даже на автомобилѣ, можно было бы добраться до одной изъ станцій дороги въ Бухарестъ.

Заручившись этими указаніями, я и отправился въ Сербію.

ИЗЪ САЛОНИКЪ ВЪ НИШЪ.

«Русскій» поѣздъ, спеціально предназначенный для доставки нѣсколькихъ сотъ русскихъ путешественниковъ изъ Салоникъ въ Сербію, отошелъ рано утромъ и черезъ два часа привезъ насъ на сербскую пограничную станцію Гевгели. Тамъ уже былъ приготовленъ поѣздъ изъ нѣсколькихъ вагоновъ всѣхъ трехъ классовъ. Билетовъ брать не пришлось, такъ какъ по сербскимъ дорогамъ всѣхъ русскихъ везли безплатно, независимо отъ того, въ какомъ классѣ они ѣдутъ и могутъ или нѣтъ оплатить свои мѣста.

Поѣздъ состоялъ изъ небольшого числа вагоновъ, и толпа, толкая другъ друга, бросилась занимать мѣста; въ каждое купе,

предназначенное на шесть человѣкъ, набилось по восьми и даже больше.

Лишь только поѣздъ отошелъ отъ пограничной станціи, сразу стало ясно, что мы ѣдемъ по воюющей странѣ. Поѣздъ шелъ безъ всякаго расписанія, останавливаясь иногда на какой-нибудь маленькой станціи, а то и просто въ полѣ, на часъ и больше, и притомъ, казалось, безъ всякой надобности, такъ какъ встрѣчныхъ поѣздовъ совсѣмъ не было.

По обѣ стороны дороги чернѣлись неубранныя поля, мелькали шалаши часовыхъ, охраняющихъ дорогу; на станціяхъ только женщины и дѣти: всѣ мужчины на войнѣ.

Въ вагонахъ холодно, а скоро стало и темно: ихъ не отапливаютъ и не освѣщаютъ.

Пассажиры осаждали претензіями старика-кондуктора, но онъ только безпомощно разводилъ руками:

— Что дѣлать,—война! Нашъ поѣздъ, можетъ быть, единственный, который идетъ сейчасъ по всей Сербіи. Онъ пущенъ только для того, чтобы довезти русскихъ до Ниша...

Утромъ пріѣхали въ Нишъ. Переѣздъ въ триста верстъ занялъ цѣлыя сутки.

НИШЪ.

Нишъ—вторая столица Сербіи, все равно, что у насъ Москва. Однако, городъ, хотя и раскинувшійся на довольно большомъ пространствѣ, имѣетъ довольно жалкій видъ. Длинныя улицы, дурно вымощенныя, площади грязныя, дома большею частью деревянные двухъэтажные. Только домъ «Окружно Началство», гдѣ помѣщаются правительственныя учрежденія, каменный и въ три этажа, красиво построенъ на берегу рѣки Нишавы. Въ этомъ домѣ въ настоящее время живетъ король.

Непривѣтливая погода встрѣтила русскихъ путешественниковъ въ Нишѣ: дулъ пронзительный сѣверный вѣтеръ и моросилъ холодный дождь. У вокзала не оказалось извозчиковъ; стояли только двѣ-три деревенскія двуколки съ мѣшками соломы вмѣсто сидѣній. Эти «экипажи» сейчасъ же были заняты наиболѣе прыткими путешественниками; остальные пѣшкомъ побрели въ городъ.

Въ обычное время въ Нишѣ считается около тридцати тысячъ жителей, теперь ихъ вдвое больше. Когда австрійцы стали бомбардировать Бѣлградъ, король, правительство и посольства переѣхали въ Нишъ, за ними потянулись другіе обыватели. Не

только всѣ гостиницы, постоялые дворы и казармы, но даже всѣ частныя квартиры были переполнены бѣлградскими бѣженцами.

Переходя изъ одной гостиницы въ другую, или, вѣрнѣе сказать, изъ одного плохого постоялаго двора въ другой, еще худшій, я, наконецъ, нашелъ себѣ комнату въ гостиницѣ «Руског Цара» которая оказалась не только грязной, но вдобавокъ еще и австрійской. Хозяинъ и прислуга отказывались понимать по-русски и даже по-сербски, упорно отвѣчая по-нѣмецки. Пришлось искать новое пристанище.

Съ помощью драгомана, любезно предоставленнаго въ мое распоряженіе нашимъ консуломъ г. Чахотинымъ, послѣ долгой ѣзды по городу, я нашелъ себѣ комнату въ гостиницѣ «Страхиніе Бана». Чтобы попасть въ эту комнату, нужно было пройти съ улицы черезъ грязную кофейню, гдѣ столики были покрыты скатертями, которыя не мылись, вѣроятно, со времени присоединенія Ниша къ Сербіи и потому представляли подобіе географическихъ картъ. Въ углу помѣщался прилавокъ, за которымъ «момче» наливалъ желающимъ стаканчики «ракіи», — мѣстной водки весьма противнаго вкуса. Изъ кофейни надо было выйти во дворъ, гдѣ въ грязной лужѣ полоскалась свинья со своимъ потомствомъ, а по другую сторону лу-

жи былъ небольшой флигелекъ, гдѣ и помѣщалась отведенная мнѣ комнатка съ переносной желѣзной печкой, изъ которой, когда ее затопятъ, дымъ шелъ не въ трубу, а въ комнату.

Такъ какъ наступили уже холода, то для дальнѣйшаго путешествія пришлось запасаться кое-какими теплыми вещами. Купить что-нибудь въ Нишѣ оказалось, однако, не легко. Почти весь запасъ товаровъ былъ распроданъ, а подвоза не было. Чувствовался недостатокъ даже въ такихъ предметахъ первой необходимости, какъ пшеничная мука, свѣчи, мыло и спички (казенная спичечная фабрика въ Бѣлградѣ была разрушена бомбардировкой). Газеты хотя и выходили, но, по недостатку обыкновенной бумаги, печатались на тонкой цвѣтной, и въ очень небольшомъ объемѣ.

На очень многихъ домахъ были развѣшаны траурные флаги и вѣнки, иногда совсѣмъ свѣжіе, иногда уже засохшіе. Это знаки траура по убитымъ воинамъ.

— Мы посылаемъ своихъ сыновей сражаться за отечество, и изъ нихъ возвратятся лишь немногіе,—говорили мнѣ сербы.

ОКОЛО НИША.

Прошлое Ниша полно кровавыми воспоминаніями. Принадлежалъ онъ когда-то болга-

рамъ, затѣмъ сербамъ, былъ завоеванъ венграми, отнятъ у нихъ турками и еще много разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, въ 1878 году, по берлинскому трактату, не былъ закрѣпленъ за сербами. Точно мячикъ перебрасывали этотъ городъ.

Недалеко отъ Ниша находится курганъ «Келекалеси», состоящій, по преданію, только изъ череповъ и костей сербовъ, павшихъ въ сраженіи съ турками. Сохранились также редуты, построенные въ 1809 г., на которыхъ сербскій полководецъ Синдьеличъ взорвалъ себя на воздухъ вмѣстѣ со штурмовавшими турками.

Другой, трогательный своею простотою, памятникъ находится на берегу Нишавы, на небольшой лужайкѣ противъ «Окружного Начальства». Это невысокій четвероугольный кирпичный столбъ, выбѣленный, съ крестомъ наверху и съ надписью, гласящею, что на этомъ мѣстѣ въ 1824 году былъ повѣшенъ нишскій епископъ съ двумя другими борцами за свободу Сербіи. Памятникъ этотъ поставленъ нынѣшнимъ епископомъ Досиѳеемъ и мѣстнымъ духовенствомъ.

Я не видѣлъ другихъ сербскихъ городовъ, но если они похожи на Нишъ, то человѣку, привыкшему къ западному комфорту и благоустройству, трудно съ ними мириться. Здѣсь поневолѣ приходится отказывать се-

бѣ въ самыхъ элементарныхъ удобствахъ жизни и во многихъ отношеніяхъ чувствовать себя чуть не Робинзономъ. Наше посольство, — очевидно, за невозможностью найти лучшее помѣщеніе, — поселилось въ бывшемъ конакѣ турецкаго губернатора 30-хъ годовъ, очень странномъ зданіи, напоминающемъ какой-то нелѣпый сарай, съ огромными внизу сѣнями, изъ которыхъ скрипучая деревянная лѣстница ведетъ во второй этажъ, а тамъ налѣво размѣщенъ рядъ маленькихъ и неудобныхъ комнатушекъ, служащихъ теперь для канцеляріи и архива. Должно быть, здѣсь были нѣкогда спальни паши и его многочисленныхъ женъ...

ЧЕРЕЗЪ БОЛГАРІЮ.

Нашъ повѣренный въ дѣлахъ, В. Н. Штрандтманъ, подтвердилъ мнѣ уже извѣстное распоряженіе болгарскаго правительства о пропускѣ русскихъ только въ сквозномъ поѣздѣ черезъ всю Болгарію, отъ Цариброда до Варны, въ запертыхъ вагонахъ и съ обязательствомъ «воздерживаться отъ всякихъ сношеній съ мѣстными жителями. Я, разумѣется, протестовалъ противъ такого отношенія къ русскимъ путешественникамъ и рѣшительно отказался воспользоваться любезностью «братушекъ», предпочитая ѣхать

черезъ Неготинъ и Прахово, а оттуда, хотя бы на телѣгѣ,—въ Кладово, гдѣ можно переправиться на лодкѣ черезъ Дунай въ Румынію. Была нѣкоторая надежда, при содѣйствіи нашего посольства и сербскаго военнаго начальства, получить въ Праховѣ даже автомобиль. Но г. Штрандтманъ раньше, чѣмъ предпринять что-нибудь въ этомъ направленіи, рѣшилъ переговорить по телефону съ нашимъ посланникомъ въ Софіи, А. А. Савинскимъ. Отвѣтъ получился неожиданно благопріятный: г. Савинскій сказалъ, что онъ приглашаетъ меня и еще нѣкоторыхъ другихъ соотечественниковъ къ себѣ «въ гости», что для насъ будетъ занято въ гостиницѣ нужное число комнатъ, а на вокзалѣ насъ встрѣтитъ драгоманъ изъ посольства, который и устранитъ всякія недоразумѣнія, если бы таковыя возникли. А затѣмъ — мы можемъ оставаться въ Софіи, сколько намъ будетъ угодно, и уѣхать оттуда, когда и куда намъ вздумается. При такихъ условіяхъ, конечно, не было уже надобности думать о трудномъ и продолжительномъ переѣздѣ въ Кладово,—оставалось только съ благодарностью принять любезное предложеніе нашего посланника.

Впослѣдствіи выяснилось, что суровая мѣра, принятая болгарскимъ правительствомъ въ отношеніи русскихъ путешественниковъ,

имѣла въ виду, главнымъ образомъ, тѣхъ изъ жителей Россійской Имперіи, которые, направляясь преимущественно на югъ и западъ, въ каждомъ иностранномъ городѣ, гдѣ имѣется русское посольство, миссія или консульство, назойливо выпрашивали и даже требовали себѣ пособій. Такъ вотъ, чтобы избавиться отъ такихъ гостей, и рѣшено было, по соглашенію съ подлежащими русскими властями, «эвакуировать» ихъ указаннымъ выше способомъ.

ВЪ ПОѢЗДѢ.

Въ три часа дня, испытавъ на себѣ всѣ неудобства тряской мостовой, которая развѣ только немного лучше нашихъ петроградскихъ мостовыхъ противъ казенныхъ зданій, мы пріѣхали на вокзалъ и заняли мѣста въ поѣздѣ, отходившемъ въ Софію. Къ этому поѣзду было прицѣплено два вагона спеціально для больныхъ соотечественниковъ, которыхъ нѣмцы безъ церемоніи выгнали изъ своихъ курортовъ. Проводить путешественниковъ пріѣхалъ В. Н. Штрандтманъ съ чиновниками посольства, а передъ самымъ отходомъ поѣзда явилась депутація отъ города: городской голова, епископъ и городскія дамы, пожелавшіе намъ счастливаго пути и предложившіе на дорогу вина и

пирожныхъ. Поѣздъ тронулся подъ крики: «Живила Сербія!» съ нашей стороны и «Живила Русія!» со стороны сербовъ.

И опять потянулись по обѣимъ сторонамъ дороги печальныя поля съ неубранной жатвой и бѣдныя хижинки селяковъ, и маленькія станціи, охраняемыя скудно одѣтыми солдатами... Скоро, впрочемъ, сѣло солнце, и сразу наступившая темнота скрыла отъ нашихъ глазъ это невеселое зрѣлище.

Въ Нишѣ насъ предупредили, что на болгарской границѣ, въ Царибродѣ, насъ ожидаетъ санитарный осмотръ, въ виду того, что Салоники, откуда ѣдетъ большинство русскихъ, объявлены «неблагополучными по чумѣ». Поэтому намъ посовѣтовали на вопросъ: откуда мы ѣдемъ? отвѣчать: «изъ Ниша», такъ какъ иначе мы рисковали попасть въ болгарскій карантинъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только поѣздъ нашъ пришелъ въ Царибродъ, въ вагонъ, вслѣдъ за жандармскимъ офицеромъ, который освѣдомился только о нашей національности, но не пожелалъ видѣть наши паспорта, явился плотный брюнетъ-докторъ, отлично говорившій по-русски (оказалось, бывшій московскій студентъ), и между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Здравствуйте, господа! Вы—русскіе?

— Здравствуйте. Да, мы русскіе, ѣдемъ къ себѣ домой.

— Вы ѣдете, конечно, изъ Ниша?

— Да, изъ Ниша, изъ Ниша.

— И, конечно, всѣ здоровы?

— Да, всѣ здоровы.

— Ну, такъ желаю вамъ счастливаго пути. Съ Богомъ!

Этимъ «санитарный осмотръ» и закончился, и мы двинулись въ дальнѣйшій путь въ вагонахъ, уже освѣщенныхъ на «казенный» счетъ.

СОФІЯ.

Въ Софію пріѣхали что-то около часу ночи, съ большимъ опозданіемъ. Какъ и было обѣщано, здѣсь насъ уже ожидалъ драгоманъ. Всѣхъ усадили въ автомобили и скоро привезли въ гостиницу, находящуюся въ самомъ центрѣ города, противъ царскаго дворца и общественнаго сада.

Софія, какъ стольный городъ болгарскаго сначала княжества, потомъ—королевства, а по нынѣшнему—царства, существуетъ всего 36 лѣтъ, и за этотъ короткій срокъ успѣла превратиться изъ грязной турецкой деревушки въ новенькую, съ иголочки, европейскую столицу, которая, въ особенности послѣ жалкаго, неуютнаго Ниша, производитъ

самое пріятное впечатлѣніе. Широкія, прекрасно вымощенныя улицы съ красивыми домами, магазины съ зеркальными стеклами и нарядными выставками, гостиницы со всѣми удобствами, бульвары, прекрасно содержимые сады все это ласкаетъ глазъ путешественника. Старый городъ, съ его первобытными узкими и кривыми переулками и восточнымъ базаромъ, запрятанъ гдѣ-то на задворкахъ, такъ искусно, что его сразу и не найдешь. Выйдя поутру изъ гостиницы, я прежде всего увидѣлъ передъ собою обширную площадь, одну сторону которой занимаетъ царскій конакъ или дворецъ, окруженный высокою рѣшеткою и большимъ садомъ. Нѣсколько дальше, на другой площади, стоитъ прекрасный памятникъ, воздвигнутый, какъ гласитъ надпись, благодарною Болгаріею Царю-Освободителю Александру II: конная фигура императора на высокомъ пьедесталѣ, по сторонамъ котораго въ барельефахъ изображены важнѣйшія событія новой болгарской исторіи. Противъ памятника — величественный соборъ во имя Св. Александра Невскаго (еще не освященный) съ чудными фресками работы Васнецова и его учениковъ и обширной усыпальницей, уготованной для новыхъ болгарскихъ царей и будущихъ великихъ людей. Очень красиво зданіе народнаго со-

бранія съ широкимъ крыльцомъ-папертью, и большимъ изяществомъ и стильностью отличается народный театръ, почти примыкающій къ обширному общественному саду. Вообще, въ Софіи много построекъ, останавливающихъ на себѣ вниманіе прохожаго и наглядно свидѣтельствующихъ о томъ, что возрожденная Болгарія не жалѣла ни денегъ, ни труда, чтобы какъ можно лучше устроить и украсить свою столицу...

ВЪ СОФІИ.

Въ Софіи у меня нашлись знакомые. Одинъ изъ нихъ привелъ меня въ кафе «Болгарія», гдѣ собираются всѣ мѣстные политиканы,—редакторы и сотрудники газетъ, профессора университета и пр. Около занятаго нами столика сейчасъ же образовался кружокъ собесѣдниковъ, пожелавшихъ со мною познакомиться и поговорить:

— Вы возвращаетесь въ Петроградъ: ради Бога, разсѣйте то прискорбное для насъ предубѣжденіе, какое господствуетъ относительно Болгаріи въ русскомъ обществѣ и печати. Насъ называютъ неблагодарными, даже подлыми измѣнниками Россіи, между тѣмъ, какъ мы всей душой преданы русскимъ интересамъ и въ настоящей войнѣ ничего такъ не желаемъ, какъ побѣды Россіи: вѣдь побѣда Россіи — это побѣда всего славянства.

Что касается «благодарности», то вы видѣли нашъ памятникъ Царю-Освободителю; повѣрьте, памятникъ этотъ не только у насъ на площади,—онъ въ душѣ каждаго болгарина! Вся бѣда наша въ томъ, что мы съ самаго начала своей самостоятельно-политической жизни имѣли двухъ такихъ правителей, какъ Александръ Баттенбергскій и Фердинандъ Кобургскій, которые вели и продолжаютъ вести Болгарію анти-славянскимъ путемъ. Особенно нынѣшнее, такъ называемое либеральное, правительство Радославова Геннадіева, которое сплошь состоитъ изъ людей совершенно не интеллигентныхъ, грубыхъ, корыстныхъ, старающихся только о томъ, чтобы имъ самимъ было хорошо. Послѣдніе выборы въ народное собраніе были произведены подъ самымъ возмутительнымъ полицейскимъ давленіемъ, а затѣмъ изъ попавшихъ въ депутаты прислужниковъ власти набрали министровъ,—одинъ другого хуже... Но такъ долго не можетъ продолжаться...

НЕДОВОЛЬСТВО ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

— Вы скажете, вѣроятно, что «всякій народъ заслуживаетъ своего правительства». Мы это отлично знаемъ,—и вы увидите, что мы постараемся заслужить себѣ. другое правительство, которое не пойдетъ въ разрѣзъ

съ волею народа. Нынѣшній нашъ нейтралитетъ и худо скрываемое пособничество швабамъ—дѣло рукъ этой «либеральной» клики. Надо, впрочемъ, признаться, что Болгарія и обезсилена недавней войной... Но вѣрьте,—мы всей душой съ вами!

Я отвѣчалъ, конечно, что мнѣ очень пріятно слышать такія рѣчи, но въ то же время хотѣлось бы видѣть и побольше фактовъ, опровергающихъ противоположное мнѣніе.

— Вы ихъ увидите,—скоро увидите!

«Дай Богъ», думалъ я,—а въ глазахъ мелькали газетныя извѣстія о провозѣ черезъ Болгарію военной контрабанды въ Турцію, злорадныя выходки такъ называемой «независимой» болгарской печати по поводу подхватываемыхъ ею лживыхъ телеграммъ агентства Вольфа о нѣмецкихъ побѣдахъ надъ русскими войсками, нападки на Сербію, доходящія до самой грубой брани, и тому подобныя свидѣтельства душевнаго расположенія болгаръ къ славянскимъ братьямъ. И невольно напрашивалось сравненіе съ сербами—не къ выгодѣ ихъ восточныхъ сосѣдей.

СЕРБЫ И БОЛГАРЫ.

Сербы были дальше отъ центра турецкаго владычества, и, можетъ быть, именно поэтому сумѣли сохранить «подъ владомъ тур-

скомъ» то благородство характера и чувство собственнаго достоинства, какимъ они отличаются. Конечно, много нужно было энергіи—и пассивной, чтобы устоять въ теченіе ряда вѣковъ отъ угнетенія, и активной, чтобы завоевать себѣ независимость при тѣхъ условіяхъ изолированности и бѣдности, въ которыхъ они находились въ началѣ минувшаго вѣка, да отчасти находятся и до сихъ поръ. Они были всѣ равны между собою при господствѣ турка, остались равными и при общей свободѣ. «У насъ нѣтъ благородныхъ», говорилъ мнѣ одинъ сербъ: мы всѣ—благородные».

Болгары, на которыхъ всего тяжелѣе обрушилось мусульманское иго, пять вѣковъ прожили въ состояніи самаго унизительнаго рабства, соединеннаго съ безконечными оскорбленіями и подавляющимъ презрѣніемъ со стороны турокъ. Неудивительно, что они сдѣлались илотами въ самомъ скверномъ смыслѣ этого слова. Тѣ изъ нихъ, которые угождали туркамъ, не останавливаясь даже передъ ренегатствомъ, всячески выкланивались и добивались сноснаго положенія, становились господами, «кормильцами» (чорбаджи) и поработителями бѣдныхъ и забитыхъ своихъ же братьевъ. Давно ли миновало это печальное время? Вѣдь оно еще на памяти у нынѣ жи-

вущихъ поколѣній. Удивляться ли, послѣ этого, что многіе изъ болгаръ еще не въ состояніи отдѣлаться отъ усвоеннаго ими въ теченіе пяти столѣтій рабскаго образа мыслей, что у нихъ слово не отвѣчаетъ дѣлу, что чорбаджіи по-прежнему всѣмъ орудуютъ въ странѣ, только смѣнивъ старый турецкій халатъ на европейскій мундиръ и феску—на расшитую треуголку?

Надо отдать болгарамъ справедливость: въ теченіе послѣднихъ 36 лѣтъ они сдѣлали героическія усилія и принесли величайшія жертвы для того, чтобы образоваться и счистить съ себя турецкую грязь; но она такъ крѣпко къ нимъ пристала, что нѣтъ-нѣтъ, да и промелькнетъ подъ тонкимъ слоемъ культурной лакировки...

ВЪ НАРОДНОМЪ БОЛГАРСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Между прочимъ, я посѣтилъ въ Софіи Народный театръ. «Народный»—не въ нашемъ значеніи этого слова, а въ смыслѣ «національнаго». Это — правительственное учрежденіе, состоящее въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ и испытывающее на себѣ всѣ превратности, сопряженныя съ перемѣнами министерскаго «курса». Театръ, очень изящный снаружи, по внутреннему устройству и

отдѣлкѣ нѣсколько напоминаетъ парижскіе бульварные театры. Публика посѣщаетъ его охотно, и щедро награждаетъ рукоплесканіями любимыхъ своихъ артистовъ. Въ креслахъ и ложахъ незамѣтно изысканныхъ туалетовъ; наоборотъ, многія дамы одѣты очень просто, а мужчины—такъ и совсѣмъ по-домашнему, въ пиджакахъ; только въ первомъ ряду красуются своими расшитыми мундирами гвардейскіе гусары. Репертуаръ театра — преимущественно русскій: пьесы Островскаго, Чехова, Горькаго, Виктора Крылова... Кое-что переведено съ нѣмецкаго (Зудерманъ, Гауптманъ); есть и оригинальныя пьесы, преимущественно — историческія, но ихъ не много. Лѣтъ пять-шесть тому назадъ большой успѣхъ имѣли «Плоды просвѣщенія» Толстого, но безъ классической фразы камердинера: « А ну-ка посмотримъ, какъ нашъ Фердинандъ изворачивается?»

Въ числѣ артистовъ и артистокъ Народнаго театра есть нѣсколько человѣкъ, бывшихъ пансіонерами болгарскаго правительства на драматическихъ курсахъ при дирекціи Императорскихъ театровъ въ Петроградѣ; но общій тонъ и характеръ исполненія мало отличается отъ какого-нибудь нашего захолустнаго театра...

Въ бытность мою въ Софіи тамъ готовилось важное театральное событіе: постановка

«Гамлета», впервые переведеннаго на болгарскій языкъ. Меня приглашали на генеральную репетицію, но, къ сожалѣнію, я не могъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ, такъ какъ пришлось бы просидѣть въ Софіи три дня лишнихъ.

ПО МѢСТАМЪ ДАВНИШНИХЪ БОЕВЪ.

Рано утромъ я покинулъ болгарскую столицу. Вскорѣ по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго полотна, особенно — съ лѣвой, сѣверной стороны, потянулись все выше и выше поднимающіяся скалистыя громады Балканъ, ихъ крутыя, часто отвѣсныя, стѣны, изорванные гребни и въ безпорядкѣ нагроможденныя одна на другую твердыни. Поѣздъ шелъ по мѣстности, полной недавними историческими воспоминаніями, обильно политой русскою кровью. Во многихъ мѣстахъ эти каменныя громады еще хранятъ слѣды русскихъ бомбъ, которыя пробили въ нихъ глубокія бреши... Справа, къ югу,—зеленыя долины, на живописномъ днѣ которыхъ сверкаютъ серебряныя рѣки и пріютились подъ сѣнью буковъ и дубовъ многочисленныя деревни, а слѣва, между прорѣзами горъ, видны голыя и унылыя равнины, гдѣ нѣтъ почти ни одного деревца... Станціи оживлены мно-

голюдной толпой: тутъ и крестьяне, и солдаты, и офицеры въ формѣ, какъ двѣ капли воды похожей на русскую. Казалось, будто и современность вторитъ исторіи и тоже говоритъ о единеніи съ Россіей...

ВЪ ПОѢЗДѢ

Поѣздъ изъ Софіи въ Бухарестъ оказался переполненнымъ русскими. Къ пріѣхавшимъ изъ Ниша присоединились путешественники, попавшіе въ Софію изъ Дедеагача, куда ихъ доставилъ итальянскій пароходъ изъ Венеціи: по случаю закрытія Дарданеллъ пароходъ закончилъ свой рейсъ въ Дедеагачѣ. Въ этомъ грязномъ городишкѣ путешественникамъ пришлось провести ночь въ турецкихъ харчевняхъ, въ холодѣ и безъ пищи.

Многіе изъ прибывшихъ въ Софію черезъ Грецію и Сербію встрѣтились теперь съ знакомыми, отправившимися изъ Венеціи въ Константинополь, но волею судьбы тоже оказавшимися въ Софіи. Въ иныхъ шестимѣстныхъ купе сидѣли чуть не по десяти человѣкъ и дѣлились впечатлѣніями о невзгодахъ въ Нишѣ и въ Дедеагачѣ.

Удобно устроилась только какая-то еврейская семья, еще съ самаго Ниша объявившая

себя «русскимъ посольствомъ» и потому ухитрявшаяся на пятерыхъ занимать сначала чуть не половину вагона, а потомъ два отдѣленія. Впослѣдствіи «посольство» было разоблачено и лишено своихъ привилегій.

Быстро промелькнули Систово, Тырново, Плевна, и вечеромъ поѣздъ пришелъ въ Рущукъ, гдѣ на пароходѣ пришлось переправляться черезъ Дунай въ Журжево.

Дунай въ этомъ мѣстѣ не широкъ, и самая переправа занимаетъ лишь нѣсколько минутъ, но понадобилось все-таки около двухъ часовъ для того, чтобы попасть на другой берегъ и сѣсть въ румынскіе вагоны. Отсутствіе носильщиковъ, тѣснота парохода, невозможность размѣнять гдѣ-нибудь болгарскія деньги на румынскія и, наконецъ, длинная процедура просмотра паспортовъ румынскими чиновниками,—совсѣмъ сбили съ ногъ путешественниковъ. Къ тому же, румынскій поѣздъ, ожидавшій въ Журжевѣ прибытія парохода, былъ невеликъ и уже наполненъ пассажирами, которые еще наканунѣ пріѣхали въ Журжево, но должны были провести здѣсь ночь и день, такъ какъ не было поѣзда въ Бухарестъ.

Кое-какъ, сидя на чемоданахъ и стоя плечомъ къ плечу въ корридорахъ, провели еще часа три-четыре и въ полночь пріѣхали въ Бухарестъ.

ВЪ БУХАРЕСТѢ.

Бухарестъ самъ себя называетъ «восточнымъ Парижемъ». Широкія, чистыя улицы, застроенныя красивыми домами, изящные магазины, оживленныя площади, обширные и хорошо содержимые парки въ самомъ дѣлѣ придаютъ ему видъ европейской столицы и до извѣстной степени оправдываютъ его названіе, означающее «веселый городъ».

ПОХОРОНЫ КОРОЛЯ КАРЛА.

Впрочемъ, когда мы пріѣхали туда, мы увидѣли городъ шумный, но вовсе не веселый, а печальный: скончался основатель румынскаго королевства, 75-лѣтній Карлъ I, и какъ разъ на другой день послѣ нашего пріѣзда должна была происходить траурная церемонія перевезенія тѣла короля съ вокзала желѣзной дороги во дворецъ. Не смотря на то, что прибытіе траурнаго поѣзда ожидалось только около 3 часовъ пополудни, всѣ улицы, ведущія отъ вокзала къ дворцу, и площадь передъ дворцомъ уже съ утра были запружены толпой, которая съ каждой минутой увеличивалась. Всѣ магазины и кафе были, конечно, закрыты; окна всѣхъ домовъ по пути процессіи, убранныя національными и

траурными флагами, были заняты зрителями, терпѣливо ожидавшими процессіи; многіе забрались даже на крыши, на деревья бульваровъ и на фонарные столбы. Одна русская дама нашла себѣ мѣсто на широкой каменной лѣстницѣ, ведущей въ какое-то общественное учрежденіе. Лѣстница была всего въ три-четыре ступеньки, но достаточно широкія для того, чтобы на каждой изъ нихъ могъ помѣститься одинъ рядъ зрителей. Дама встала на второй ступенькѣ снизу. Это почему-то не понравилось двумъ стоявшимъ сзади нея очень объемистымъ румынкамъ, и онѣ стали усиленно стараться столкнуть ее съ лѣстницы, а въ отвѣтъ на ея замѣчанія и просьбы не толкаться только смѣялись. Тогда одинъ изъ зрителей, стоявшихъ тутъ же на тротуарѣ, обратился къ нимъ съ строгимъ внушеніемъ, говоря, что нельзя такъ относиться къ иностранкѣ, которая, притомъ, имъ вовсе и не мѣшаетъ, а если имъ тѣсно въ толпѣ, то въ этомъ виноваты онѣ сами, т. к. довели себя до совершенно неподобающаго объема. Это неожиданное обращеніе, сказанное въ очень серьезномъ тонѣ, но сопровождавшееся комическими выразительными жестами, вызвало громкій хохотъ толпы. Сконфуженныя дамы успокоились. Да уже некогда было и воевать: на улицѣ показалась головная часть печальной процес-

сіи—пестрая румынская конница въ красивыхъ разноцвѣтныхъ мундирахъ, со множествомъ значковъ и знаменъ. Длинной лентой протянулись передъ нами эти красные, синіе, бѣлые всадники въ сверкавшихъ на солнцѣ золотыхъ и серебряныхъ каскахъ и въ мѣховыхъ шапкахъ съ султанами. За ними шла пѣхота съ барабанщиками и флейтистами, игравшими «походъ»; затѣмъ—представители другихъ частей арміи и флота, митрополитъ и епископы съ духовенствомъ и, наконецъ, взятая покойнымъ королемъ подъ Плевной длинная турецкая пушка, надъ которою былъ укрѣпленъ гробъ съ тѣломъ почившаго государя. Такимъ образомъ, тѣло везли не просто на лафетѣ, какъ это обыкновенно дѣлается въ погребальныхъ процессіяхъ воинскихъ чиновъ, а на пушкѣ,—согласно завѣщанію Карла I. За гробомъ шелъ молодой король Фердинандъ съ своимъ сыномъ, рядъ генераловъ, члены палаты депутатовъ, сената, кассаціоннаго суда, многочисленныя депутаціи и т. д. Процессія замыкалась артиллеріей и траурными каретами, въ одной изъ которыхъ ѣхала королева Елизавета («Карменъ Сильва») съ своей племянницей, новой румынской королевой. Шествіе тянулось медленно мимо многотысячной толпы, среди которой мальчишки бойко торговали газетами, отдѣльными

экземплярами завѣщанія покойнаго короля и открытками съ его изображеніемъ въ гробу. Когда подошли къ дворцу, у воротъ котораго горѣли траурные факелы на высокихъ подставкахъ, почти уже стемнѣло, и вскорѣ на всѣхъ улицахъ зажглись электрическіе фонари, обтянутые чернымъ крепомъ. Толпа долго еще не расходилась, особенно на площади передъ дворцомъ; вездѣ встрѣчались группы, оживленно обсуждавшія печальное событіе и его возможныя послѣдствія.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ ПОСЛѢ СМЕРТИ КАРЛА I.

Какъ въ газетахъ, такъ и въ слышанныхъ мною въ этотъ день разговорахъ чаще всего повторялось, что со смертью короля Карла устраняется одинъ изъ главныхъ поводовъ къ соблюденію Румыніей строгаго нейтралитета; что теперь большинство націи будетъ уже, ничѣмъ не стѣсняясь, громко требовать активнаго выступленія противъ Австріи съ цѣлью присоединить Трансильванію и румынскую часть Буковины; что новому королю придется серьезно считаться съ требованіями народа и т. д. Это было 29 сентября. Съ тѣхъ поръ минуло много дней,—«а возъ и нынѣ тамъ», гдѣ его оставилъ покойный Карлъ I.

ВЪ ЯССАХЪ.

Отъ Бухареста до Яссъ 12 часовъ пути. Этотъ путь я сдѣлалъ ночью, а на утро, пользуясь трехчасовой остановкой въ столицѣ Молдавіи, могъ бѣгло осмотрѣть городъ, который, по сравненію съ Бухарестомъ, представляетъ мало интереснаго. Улицы грязныя, дома невзрачные; населеніе, въ которомъ значительную долю составляютъ евреи, армяне, цыгане и татары, имѣетъ уже полувосточный характеръ; здѣсь какъ будто находишься на порогѣ Азіи, и на поворотѣ улицы невольно ожидаешь встрѣтить традиціонную молдаванскую «каруцу», запряженную волами... а встрѣчаешь—автомобиль.

Есть два-три интересныхъ памятника молдавскимъ господарямъ — князьямъ Сутцо, Гика и еще кому-то. Суровыя фигуры съ характерными длинными, нависшими усами, въ барашковыхъ шапкахъ, стоятъ на пьедесталахъ и какъ-будто удивляются непредвидѣнному ими приливу западной цивилизаціи...

Интересная подробность: въ Яссахъ почти всѣ извозчики—русскіе скопцы, переселившіеся сюда во избѣжаніе гоненій. Прислушавшись къ вашему говору и уловивъ въ немъ родные звуки, они громко и весело предла-

гаютъ свои услуги: «Пожалуйте, господа русскіе!».

ВЪ РОССІИ.

Въ полдень мы выѣхали изъ Яссъ и черезъ нѣсколько часовъ добрались, наконецъ, до Унгени. Еще два мытарства съ паспортами сначала на румынской, потомъ—на русской сторонѣ границы, и мы уже дома. Къ ночи пріѣхали въ Одессу.

Во время моего почти трехмѣсячнаго странствованія чуть не по всей Европѣ мнѣ приходилось жить, или только ночевать, въ разныхъ городахъ и городишкахъ и въ разныхъ гостиницахъ, далеко не всегда «первоклассныхъ»; часто я уходилъ изъ своего номера, забывъ запереть чемоданы и даже оставляя деньги на столѣ,—но за все это время у меня не пропало, можно сказать, ни одной булавки. Въ одесскомъ первокласснomъ отелѣ на другой же день пришлось убѣдиться, что изъ моего чемодана исчезли нѣсколько серебряныхъ пятифранкофиковъ. Когда я объ этомъ заявилъ корридорному, онъ въ утѣшеніе мнѣ разсказалъ, что недѣли за двѣ передъ тѣмъ былъ случай, еще болѣе прискорбный: изъ корридора пропали всѣ сапоги, выставленные жильцами на ночь...

Это даетъ мнѣ право закончить свое повѣствованіе словами, которыми нѣкогда Пушкинъ заключилъ свое «Путешествіе въ Арзерумъ»:

«Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любимомъ отечествѣ.